

М Ю Р А Т Ъ.

(Рассказ А. Дюма.)

18 июня 1815 года, въ то самое время, когда судьбы Европы рѣшались на поляхъ Ватерлоо, весьма бѣдно одѣтый человѣкъ, съ виду совершенно нищій, уныло слѣдовалъ по дорогѣ изъ Тулона въ Марсель. Дойдя до входа въ Улліульское ущелье, онъ остановился на небольшой возвышенности, съ которой можно было обозрѣть всю окрестность, и тутъ, потому ли, что онъ уже окончилъ свое путешествіе, или же желая еще нѣсколько времени полюбоваться прекраснымъ видомъ, открывающимся ему съ южной стороны, прежде, чѣмъ войти въ темное ущелье, справедливо называемое Термопилами Прованса, — онъ присѣлъ на скатѣ рва, окаймлявшаго большую дорогу, оборотившись спиною къ горамъ, амфитеатромъ возвышающимся на сѣверъ отъ города. Возвышенность эта господствовала надъ богатою долиною, въ которой произрастали тропическія деревья и растенія, не извѣстныя остальной части Франціи. За этой долиной, освѣщенной послѣдними лучами заходящаго солнца, простиралось спокойное и гладкое какъ зеркало море; по поверхности воды скользилъ военный бригъ, который, пользуясь разыгрывающимся свѣжимъ вѣтеркомъ, поднялъ всѣ паруса и быстро бѣжалъ въ Итальянское море.

Нищій жадно слѣдилъ глазами за бригомъ, до тѣхъ поръ, пока этотъ послѣдній не скрылся за Гиенскимъ мысомъ, и лишь

только бригъ исчезъ изъ глазъ, онъ глубоко вздохнулъ, опустилъ голову на колѣни и до тѣхъ поръ оставался недвижимъ, погруженный въ свои размышленія, пока шумъ приближающейся кавалькады не заставилъ его вздрогнуть. Услышавъ лошадиный топотъ, онъ тотчасъ же поднялъ голову, тряхнулъ своими черными кудрями, какъ бы желая выбросить изъ головы удручающія ея горькія мысли, и, устремивъ свои взоры ко входу въ ущелье, откуда слышался шумъ, онъ вскорѣ увидаль двухъ выѣзжающихъ всадниковъ, которыхъ онъ, повидимому, тотчасъ же узналъ, ибо немедленно поднялся съ своего мѣста, скрестилъ руки и обернулся къ нимъ лицомъ. Замѣтивши его, пріѣзжіе остановились, и ѣхавшій впереди, соскочивъ съ лошади, отдалъ поводья своему товарищу и, несмотря на то, что былъ не менѣе, какъ въ пятидесяти шагахъ отъ человѣка въ лохмотьяхъ, почтительно снялъ шляпу и приблизился къ нему. Съ чувствомъ достоинства и совершенно недвижимо поджидалъ его нищій и, когда тотъ подошелъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ну, что же, г. маршалъ, получили ли вы вѣстія либо извѣстія?

— Получилъ, государь! печально отвѣчалъ вопрошаемый.

— Какія же?

— Такія, государь, что я былъ бы счастливъ, еслибъ кто либо другой имѣлъ честь объявить ихъ вашему величеству....

— Значить, императоръ не нуждается болѣе въ моей службѣ? Онъ забылъ о побѣдахъ Абукира, Эйлау и Москвы....

— Нѣтъ, государь; но онъ помнитъ о неаполитанскомъ договорѣ, о взятіи Реджіо и объ объявленіи войны вице-королю Італіи.

Нищій ударилъ себя по лбу.

— Да, справедливо: въ его глазахъ, я, можетъ быть, заслуживаю упрека; но мнѣ кажется, что онъ долженъ бы былъ видѣть во мнѣ двухъ людей: война, котораго онъ сдѣлалъ своимъ братомъ, и брата, котораго онъ сдѣлалъ королемъ.... Да, правда, какъ братъ, я много-много виноватъ передъ нимъ; но, какъ король, клянусь, я не могъ поступить иначе: мнѣ предстоялъ выборъ между моею саблею и короною, между однимъ полкомъ и цѣлымъ народомъ.... Выслушайте, Брюнъ: вы не знаете, какъ это случилось. Огромная англійская эскадра гро-

мила портъ; улицы были наводнены волнующимся неаполитанскимъ народомъ. Если бы я былъ одинъ, то на небольшой лодчкѣ проскользнулъ бы между англійскими судами и съ саблею въ рукахъ пробрался бы сквозь толпу; но у меня была жена, были дѣти. Несмотря на это, я долго колебался: одна мысль о названіи измѣнника и перебѣжчика, которые неизбѣжно должны были привиться къ моему имени, заставила меня пролить слезъ болѣе, чѣмъ потеря моего престола, а можетъ быть даже и смерть тѣхъ, кого я болѣе всего люблю на свѣтѣ... (*) Итакъ, онъ не желаетъ имѣть меня въ своихъ рядахъ ни генераломъ, ни капитаномъ, ни солдатомъ?... Что же мнѣ остается дѣлать?

— Ваше величество должны немедленно покинуть Францію.

— А еслибъ я этого не сдѣлалъ?

— Въ такомъ случаѣ, я уполномоченъ задержать васъ для преданія военному суду.

— Чего ты, конечно, не исполнишь, мой старый товарищ!

— Что я въ точности исполню, государь, прося Всевышняго поразить мѣла; въ то самое время, какъ я протяну руку, чтобы арестовать васъ.

— Я узнаю васъ, Брюнъ: вы, по прежнему, столь же храбры, какъ и благородны. Онъ не далъ вамъ королевства, онъ не на-

(*) Чтобы припомнить обстоятельства, въ которыхъ находился Мюратъ, мы обращаемъ читателей нашихъ къ историческимъ событіямъ того времени и къ статьѣ г-жи Евгени Туръ: «Г-жа Рекамье» («Русскій Вѣстникъ», № 4 за 1860 годъ, стр. 653 и 656), изъ которой позволяемъ себѣ сдѣлать небольшую выписку:

«Между тѣмъ, политическія дѣла шли своимъ чередомъ. Король неаполитанскій вступилъ въ коалицію (противъ Наполеона). Наканунѣ того дня, когда это извѣстіе должно было сдѣлаться публичнымъ, Мюратъ, взволнованный и смущенный, вошелъ къ своей женѣ. Тамъ нашелъ онъ г-жу Рекамье и, полагая, что она, какъ изгнанница и личный врагъ Наполеона, посоветуетъ ему возстать противъ него, спросилъ у ней, что ему дѣлать. — «Вы Французъ, ваше величество, отвѣчала она ему:—и должны оставаться вѣрны Франціи.» Мюратъ поблѣднѣлъ, сильнымъ движеніемъ руки отворилъ дверь балкона, выходившаго на море, и, показывая ей на англійскій флотъ, входившій въ неаполитанскую гавань, сказалъ: «Стало быть, я измѣнникъ!» Онъ бросился на канапе и, закрывъ лицо, залпился слезами. Королева, боясь, чтобы кто нибудь посторонній не замѣтилъ волненія короля, умоляла его успокоиться. Она успѣла въ этомъ и вскорѣ съѣла съ нимъ въ коляску и объѣхала весь Неаполь, при громкихъ кликахъ народа, выражавшаго, въ этотъ день, свое сочувствіе не столько королю, сколько принятому имъ намѣренію вступить въ союзъ противъ Наполеона.»

Этотъ коротенькій рассказъ очерчиваетъ характеръ Мюрата, его колебанія между обязанностию короля неаполитанскаго и долгомъ бывшаго подданнаго Наполеона и Франціи.

дѣлѣ вамъ на голову того огненнаго вѣнца, который называютъ короной, онъ не поставилъ васъ въ борьбу между вашей совѣстью и вашимъ семействомъ.... Итакъ, мнѣ нужно оставить Францію, снова начать кочевую жизнь, проститься съ Тулономъ, въ которомъ я оставляю столько воспоминаній! Взгляните, Брюнъ, продолжалъ Мюратъ, опираясь на руку маршала:—не такъ ли прекрасны эти ели, какъ находящіяся въ виллѣ Памфилла? эти пальмы не напоминаютъ ли пальмъ Каира и эти горы не совершенно ли сходны съ цѣпью Тироля? Взгляните налѣво, на мысъ Гіенскій, на эту скалу.... О, Боже! и все это я долженъ оставить!... Скажите мнѣ, Брюнъ, неужели нѣтъ болѣе никакихъ средствъ оставаться мнѣ въ этомъ уголкѣ Франціи?

— Мнѣ больно васъ слушать, государь! отвѣтилъ маршалъ.

— Ну, такъ не будемъ же болѣе объ этомъ говорить.... Какія же вы мнѣ привезли новости?

— Императоръ выѣхалъ изъ Парижа въ армию; въ этотъ часъ должно быть сраженіе....

— Французы сражаются, а меня нѣтъ среди ихъ! О! я чувствую, что я нынѣшній день былъ бы весьма полезенъ Наполеону! Съ какимъ неописаннымъ восторгомъ бросился бы я на враговъ Франціи—Пруссаковъ, Англичанъ! Дайте мнѣ паспортъ, Брюнъ: я тотчасъ же поспачу къ арміи, выпрошу командованіе полкомъ, ударю съ нимъ на непріятеля, и если въ тотъ же вечеръ императоръ снова не протянетъ мнѣ руки, то даю вамъ честное слово, что я всажу себѣ пулю въ лобъ. Исполните мою просьбу, Брюнъ, и, чѣмъ бы все это ни кончилось, я буду питать къ вамъ вѣчную признательность.

— Я не могу этого сдѣлать, государь!

— Въ такомъ случаѣ, не будемъ говорить объ этомъ.

— Ваше величество удалитесь изъ Франціи?

— Не знаю.... Впрочемъ, дѣйствуйте согласно полученныхъ вами предписаній и если вы меня снова отыщете, то арестуйте. Я вамъ и за это буду весьма признателенъ: въ настоящее время, жизнь для меня въ тягость, и я буду весьма обязанъ тому, кто меня отъ нея избавитъ.... Прощайте, Брюнъ!

И онъ протянулъ руку маршалу, который хотѣлъ се поцѣловать; но Мюратъ заключилъ его въ свои объятія, и старые товарищи нѣсколько времени стояли крѣпко обнявшись, со слезами на глазахъ. Наконецъ они разстались: Брюнъ снова сѣлъ

на лошадь, а Мюратъ взялъ свой страннической посохъ, и оба направили путь въ разныя стороны. Одно ждало убіеніе въ Авиньонъ, другаго — разстрѣляніе въ Пиццо.

Въ это самое время Наполеонъ, подобно Ричарду III, мѣнялъ при Ватерлоо свою корону на лошадь.

Послѣ описаннаго свиданія, вице-король неаполитанскій удаллся къ своему племяннику Бонафу, который состоялъ на службѣ капитаномъ фрегата; но это убѣжище могло быть только временное, потому что всѣ родственники Мюрата возбуждали подозрѣнія правительства. Бонафу старался приискать для своего дяди болѣе надежное убѣжище и въ тотъ же вечеръ отправился къ одному изъ своихъ пріятелей адвокату, испытанной честности и благородства. Поговоривъ сначала о совершенно постороннихъ предметахъ, онъ спросилъ, нѣтъ ли у него загороднаго дома на берегу моря, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, Бонафу напросился къ нему на другой день завтракать въ деревню Боннетъ.

Въ условленный часъ, Бонафу пріѣхалъ въ деревню, гдѣ проживали жена и дочь адвоката Маруэна. Послѣ первыхъ привѣтствій, Бонафу подошелъ къ окну и, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ обратившись къ Маруэну, сказалъ:

— Я думалъ, что ваша деревня гораздо ближе къ морю.

— До моря не болѣе десяти минутъ ѣзды.

— Отчего же его не видно изъ окна?

— Холмъ, который передъ нашими глазами, закрываетъ видъ моря. Въ ожиданіи завтрака, не хотите ли сдѣлать небольшую прогулку на берегъ?

— Съ удовольствіемъ. Ваша лошадь еще не разсѣдлана, моя немедленно будетъ готова.

Маруэнъ вышелъ. Погруженный въ размышленіе, Бонафу остался одинъ у окна. Хозяйки дома, занятыя приготовленіемъ завтрака, не замѣтили его озабоченнаго вида. Черезъ пять минутъ вошелъ Маруэнъ и объявилъ, что все готово къ отъѣзду. Адвокатъ и гость его вскочили на лошадей и быстро поѣхали по направленію къ морю. Подъѣхавъ къ песчаному берегу, капитанъ пустилъ своего коня шагомъ и около получаса ѣхалъ вдоль по морскому берегу, со вниманіемъ изучая его положеніе. Маруэнъ слѣдовалъ за нимъ, не обращая никакого вниманія на своего гостя, наблюденія котораго казались ему очень естественными,

такъ какъ Бонафу былъ морякъ. Наконецъ, послѣ часовой ѣзды, они возвратились домой. Маруэнъ приказалъ было разсѣдлатъ лошадей, но Бонафу воспротивился этому, желая послѣ завтрака немедленно возвратиться въ Тулонъ. И, дѣйствительно, какъ только что кофе былъ принятъ со стола, Бонафу простился съ хозяевами и уѣхалъ. Имѣя также надобность ѣхать въ городъ по дѣламъ службы, Маруэнъ отправился въ Тулонъ вмѣстѣ со своимъ гостемъ.

Минутъ десять ѣхали они молча. Наконецъ Бонафу первый прервалъ молчаніе, обратившись къ Маруэну:

— Послушайте, Маруэнъ, сказалъ онъ: — я долженъ сообщить вамъ одну весьма важную тайну.

— Говорите, капитанъ; вы знаете, что послѣ духовниковъ нотаріусы народъ самый скромный; за нотаріусами по степени своей скромности слѣдуютъ адвокаты.

— Вы, вѣрно, догадались, что я пріѣзжалъ къ вамъ въ деревню не съ цѣлю одного удовольствія, прогулки; гораздо болѣе важный предметъ привлекъ меня. Я рѣшился довѣриться вамъ, какъ одному изъ болѣе преданныхъ мнѣ друзей, на скромность котораго безъ всякаго опасенія можно положиться.

— Постараюсь оправдать ваше довѣріе, капитанъ!

— Будемъ же говорить яснѣе и положительнѣе, какъ это должно быть межъ людьми, уважающими другъ друга, изъ коихъ одинъ можетъ смѣло разсчитывать на помощь другаго. Дядя мсй Іоachimъ осужденъ и бѣжалъ; онъ укрылся въ моемъ домѣ, гдѣ долѣе не можетъ оставаться, потому что полиція прежде всего будетъ его отыскивать у меня. Ваша деревня совершенно уединенна и можетъ служить ему безопаснымъ убѣжищемъ. Отдайте ее въ наше распоряженіе, пока обстоятельства не принудятъ короля принять какое либо другое рѣшеніе.

— Вы можете располагать ею, отвѣтилъ Маруэнъ.

— Благодарю. Сегодня же мой дядя ночуетъ въ Бонеттѣ.

— Но дайте мнѣ прежде нѣсколько времени на устройство дома, чтобы я съ должнымъ почетомъ могъ принять въ немъ короля.

— Трудъ напрасный, мой добрый Маруэнъ: малѣйшее замедленіе можетъ быть пагубно для короля. Притомъ же, король Іоachimъ отвыкъ отъ дворцовъ и придворныхъ; въ настоящее время, онъ будетъ весьма счастливъ, если можетъ найти хи-

жину и хотя одного преданнаго ему человѣка. Будучи заранѣе увѣренъ въ вашемъ отвѣтѣ, я предварилъ Іоахима. Итакъ, рѣшено: сегодня вечеромъ, въ десять часовъ, мы встрѣтимся на Марсовомъ полѣ.

Капитанъ далъ шпоры своей лошади и исчезъ. Маруэнъ повернулъ назадъ и поѣхалъ обратно въ деревню для приготовленія всего необходимаго къ принятію незнакомца, имя котораго онъ никому не сказалъ изъ домашнихъ.

Въ условленный часъ, Маруэнъ былъ на Марсовомъ полѣ, занятомъ артиллерією отряда маршала Брюна. Въ ожиданіи короля, онъ прогуливался между зарядными ящиками до тѣхъ поръ, пока часовой не окликнулъ его и не спросилъ, что онъ здѣсь дѣлаетъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ было довольно затруднительно: трудно было вообразить себѣ, чтобы кто нибудь только ради своего удовольствія, безъ особой цѣли, въ десять часовъ вечера, прогуливался по артиллерійскому парку. Маруэнъ отвѣчалъ часовому, что ему нужно говорить съ начальникомъ караула. Офицеръ подошелъ къ нему, и Маруэнъ сознался, что онъ адвокатъ г. Тулона, назначилъ Марсово поле мѣстомъ для свиданія съ одной особой, не подозрѣвая, что это было запрещено. Вслѣдствіе этого отвѣта, караульный офицеръ дозволилъ ему поджидать своего знакомаго, а самъ отправился къ своему посту. Что же касается до часоваго, то, строго исполняя свою обязанность, онъ мѣрнымъ шагомъ продолжалъ обходить, не обращая болѣе никакого вниманія на присутствіе незнакомца.

Минуть десять спустя, нѣсколько человѣкъ показались на площади. Маруэнъ узналъ Бонафу и приблизился къ нему. Капитанъ тотчасъ же взялъ его за руку и обратился къ королю:

— Государь, вотъ другъ, о которомъ я вамъ говорилъ.

Потомъ, обратившись къ Маруэну, онъ прибавилъ:

— А вамъ имѣю честь представить ссыльнаго и бѣглаго короля неаполитанскаго, котораго я вамъ довѣрю. Я не говорю вамъ о возможности, что король Іоахимъ когда либо снова получитъ престолъ: это значило бы отнять всю заслугу вашего благороднаго поступка.... Будьте его проводникомъ; мы послѣдуемъ за вами издали.

Король и адвокатъ тотчасъ же отправились въ дорогу. Одежда Мюрата состояла изъ голубаго полу-военнаго и полу-гражданскаго сюртука, застегнутаго доверху, изъ бѣлыхъ брюкъ и

сапоговъ со шпорами. Мюратъ, въ это время, носилъ очень длинныя волосы; широкіе же усы его и густыя бакенбарды были до того велики, что закрывали часть лица и шею. Въ продолженіе всей дороги онъ спрашивалъ о мѣстоположеніи своего новаго убѣжища и о томъ, что можно ли, въ случаѣ бѣгства, скоро и легко достигнуть морскаго берега. Около полуночи король и Маруэнъ прибыли въ Бонетту; королевская же свита, состоявшая, приблизительно, изъ тридцати человѣкъ, пріѣхала минутъ черезъ десять послѣ нихъ. Въ тотъ же вечеръ, этотъ послѣдній остатокъ придворныхъ павшаго короля разсѣялся по городу и окрестностямъ; Мюратъ остался одинъ, съ женщинами дома, удержавъ при себѣ своего камердинера, по имени Лебланъ.

Около мѣсяца провелъ Мюратъ въ этомъ уединеніи, занимаясь по цѣлымъ днямъ сочиненіемъ отвѣтовъ на журнальныя статьи, обвиняющія его въ измѣнѣ императору. Онъ только и думалъ объ этомъ обвиненіи: это былъ его призракъ, страшнаго лица, преслѣдовавшее его всюду. Въ это самое время, распространилась вѣсть о пораженіи при Ватерлоо. Императоръ Франціи былъ изгнанникомъ и, подобно Мюрату въ Тулонѣ, отъ непріятелей Франціи ожидалъ рѣшенія своей участи — въ Рошфорѣ. Неизвѣстно, вслѣдствіе какого внутренняго убѣжденія Наполеонъ, невзирая на совѣты генерала Лаллемана и капитана Бодена, предпочелъ Англію Америкѣ и, подобно новому Прометею, отправился на островъ Св. Елены. Теперь же мы расскажемъ, по какому случаю Мюратъ попалъ въ Пиццо, и пускай фаталисты выводятъ изъ этого какія угодно заключенія; что же касается до насъ, то мы отвѣчаемъ только за вѣрность передаваемыхъ нами событій.

Король Людовикъ XVIII вступилъ на престолъ Франціи. Мюратъ потерялъ всякую надежду оставаться долѣе въ своемъ отечествѣ: нужно было спѣшить отъѣздомъ. Племянникъ его, Бонафу, приготовилъ бригъ, на которомъ Мюратъ долженъ былъ отправиться въ Соединенные Штаты, подъ именемъ князя Рокка-Романа. Вся свита его перешла на судно, куда начали переносить наиболѣе драгоцѣнныя вещи, которыя король успѣлъ сохранить послѣ своего паденія. Сначала перенесли мѣшокъ съ золотомъ, вѣсомъ около ста ливровъ, шпагу съ портретами короля, королевы и ихъ дѣтей и, наконецъ, семейные акты въ бархатномъ переплетѣ съ гербами. Самъ же Мюратъ оставилъ при

себѣ поясъ, въ которомъ, кромѣ нѣсколькихъ важныхъ бумагъ, было зашито около двадцати брильянтовъ, оцѣненныхъ имъ самимъ, приблизительно, въ четыре милліона франковъ.

Окончивъ всѣ эти приготовленія, рѣшили, чтобы на другой день, 1 августа, въ пять часовъ утра, изъ небольшого залива, на разстояніи около десяти минутъ ходьбы отъ деревни, король отправился бы въ лодкѣ на корабль. Всю ночь король занимался составленіемъ маршрута, по которому Маруэнъ долженъ былъ отправиться на свиданіе съ королевою, находившеюся, въ это время, въ Австріи. Передъ отъѣздомъ, маршрутъ былъ готовъ. Король, покидая гостепріимный домъ, гдѣ онъ нашелъ себѣ убѣжище, передалъ маршрутъ хозяину, вложивъ его въ одинъ изъ томовъ сочиненія Вольтера. На концѣ повѣсти *Misomégas*, король написалъ слѣдующее:

«Успокойся, любезная Каролина: хотя я и очень несчастливъ, но я свободенъ. Я уѣзжаю, не зная самъ куда; но, гдѣ бы я ни былъ, сердце мое будетъ всегда принадлежать тебѣ и моимъ дѣтямъ.

«I. M.» (*)

Минутъ десять спустя, Мюратъ и его хозяинъ ожидали на берегу прибытія съ брига лодки, которая должна была доставить короля на бригъ.

Они прождали до полудня — лодки не было, хотя на горизонтѣ виднѣлся спасительный бригъ, который лавировалъ, не будучи въ состояніи бросить якорь, по причинѣ слишкомъ большой, въ этомъ мѣстѣ, глубины моря. Подавленный усталостію и палимый солнечными лучами, король лежалъ на песчаномъ берегу, когда пришелъ лакей съ различными закусками, присланными, на всякій случай, женою Маруэна, встревоженной слишкомъ продолжительнымъ отсутствіемъ мужа. Король выпилъ стаканъ воды съ виномъ, съѣлъ одинъ апельсинъ и привсталъ, чтобы взглянуть на море, не плыветъ ли давно ожидаемая лодка. Море было пустынно; одинъ только бригъ граціозно изгибался на горизонтѣ, съ нетерпѣніемъ поджидая минуты отплытія, подобно коню, ожидающему своего всадника.

(*) «Tranquillise toi, ma chère Caroline; quoique bien malheureux, je suis libre. Je pars, sans savoir, où je vais; mais partout, où j'irai, mon coeur sera à toi et à mes enfans.

«I. M.»

Король глубоко вздохнулъ и снова легъ на песчаный берегъ. Слуга отправился обратно въ Бонетту, съ приказаніемъ прислать брата Маруэна на берегъ. Не болѣе, какъ черезъ четверть часа, онъ явился и тотчасъ же поскакалъ въ Тулонъ узнать у Бонафу причину замедленія. Пріѣхавши къ капитану, онъ засталъ его домъ окруженный солдатами, которые отыскивали Мюрата. Среди общаго безпорядка, посланный достигъ до капитана, отъ котораго онъ узналъ, что лодка отправилась къ назначенному мѣсту въ условный часъ, но, какъ полагать должно, заплуталась, что, дѣйствительно, и случилось. Въ пять часовъ, Маруэнъ привезъ эти вести королю и своему брату. Положеніе было затруднительное. Король былъ лишенъ средствъ защитить свою жизнь бѣгствомъ, и имъ овладѣло совершенное изнеможеніе, что иногда случается съ людьми, одаренными самою твердою силою воли; онъ не былъ въ состояніи придумать что либо для своего спасенія и совершенно отдался въ распоряженіе Маруэна. Въ это время, съ пѣснями возвращался рыбакъ въ гавань. По сдѣланному Маруэномъ знаку, онъ приблизился къ нимъ.

Сначала Маруэнъ скупилъ у него всю рыбу; расплатившись, онъ предложилъ ему еще три луидора за трудъ довести одного пассажира до брига, который виднѣлся въ отдаленіи. Рыбакъ согласился. Этотъ случай къ спасенію возвратилъ тотчасъ же всѣ силы Мюрату. Онъ всталъ, обнялъ Маруэна, напомнилъ ему его обѣщаніе съѣздить къ Каролинѣ, чтобы отдать ей сочиненіе Вольтера, и послѣ этого вскочилъ въ лодку, которая тотчасъ же удалилась.

Отплывши на нѣкоторое разстояніе отъ берега, король оставилъ гребца и сдѣлалъ знакъ Маруэну, что онъ забылъ какую-то вещь. И, дѣйствительно, на берегу лежалъ чемоданчикъ, въ которомъ находилась великолѣпная пара пистолетовъ, отдѣланныхъ въ вызолоченное серебро, подаренная Мюрату королевой и которыми онъ очень дорожилъ. Подплывши на такое разстояніе, что можно было слышать его голосъ, король объявилъ своему бывшему хозяину причину своего возвращенія. Маруэнъ тотчасъ же взялъ чемоданчикъ и, не допуская лодки къ берегу, бросилъ его прямо въ лодку. При паденіи, чемоданчикъ открылся, и изъ него выпалъ одинъ изъ пистолетовъ. Одного брошеннаго взгляда на королевское оружіе было достаточно рыбаку, чтобы замѣтить богатство этого оружія и воз-

будить въ немъ нѣкоторыя подозрѣнія. Несмотря на это, онъ продолжалъ грести къ судну. Раскланявшись еще разъ съ королемъ, Маруэнъ оставилъ своего брата на берегу, а самъ отправился домой успокоить свою жену и отдохнуть нѣсколько часовъ послѣ безпокойно проведеннаго имъ дня.

Два часа спустя, онъ былъ разбуженъ совершенно неожиданнымъ посѣщеніемъ: домъ его, въ свою очередь, былъ окруженъ жандармами. Обыскали всѣ уголки, но не нашли даже и слѣдовъ присутствія короля. Въ то время, когда обыскъ былъ въ самомъ разгарѣ, братъ хозяина дома воротился. Увидавъ его, Маруэнъ улыбнулся, воображая, что король уже находится въ безопасности; но, по выраженію лица пришедшаго, онъ тотчасъ же догадался, что, вѣрно, случилось какое нибудь новое несчастье. При первой возможности, онъ подошелъ къ брату.

— Ну, что же, сказалъ онъ: — король спасенъ, я надѣюсь?

— Король въ пятидесяти шагахъ отсюда: онъ спрятанъ въ развалинахъ.

— Зачѣмъ же онъ воротился?

— Рыбакъ, подъ предлогомъ дурной погоды, отказался доставить короля на бригъ. Подлое твореніе!

Въ это время, вошли жандармы.

Всю ночь провели они въ бесплодныхъ поискахъ по всему дому и близъ-лежащимъ строеніямъ; нѣсколько разъ проходили они мимо самого короля, такъ что Мюратъ могъ слышать всѣ ихъ угрозы и проклятія. Наконецъ, за полчаса до разсвѣта, они удалились. Какъ только жандармы скрылись изъ вида, Маруэнъ тотчасъ побѣжалъ въ то мѣсто, гдѣ находился король. Онъ нашелъ его въ одномъ изъ углубленій развалинъ, имѣя въ каждой рукѣ по пистолету. Несчастный не могъ устоять противъ усталости и заснулъ. Сначала Маруэнъ колебался тревожить его сонъ; но нельзя было терять ни одной минуты: онъ разбудилъ его.

Мюратъ и Маруэнъ направили свой путь къ берегу. Утренній туманъ лежалъ на всемъ морѣ: на 200 шаговъ разстоянія нельзя было различать предметовъ. Наконецъ, отъ дѣйствія первыхъ лучей восходящаго солнца, сплошная масса ночныхъ испареній начала разрываться на части и легкимъ паромъ скользить по волнамъ, какъ облака скользятъ по небу. Жаднымъ взоромъ искалъ король своего брига-спасителя и видѣлъ его призракъ въ

каждомъ новомъ очертаніи исчезающаго съ фантастическими формами стелющагося по морю тумана; но мало по малу горизонтъ свѣтлѣлъ и готовилъ ему горькое разочарованіе. Когда послѣдніе пары разсѣялись и море открылось взору во всей своей безпредѣльности, король и Маруэнъ увидѣли, что оно было пустынно. Не смѣя болѣе оставаться въ виду берега, бригъ отплылъ.

— Пойдемте, обратился король къ Маруэну: — жребій брошенъ: я ѣду въ Корсику.

Въ этотъ самый день, маршалъ Брюнъ былъ умерщвленъ въ Авиньонѣ.

Мюратъ скрывался у Маруэна до 22 августа. Обстоятельства измѣнились: уже не Наполеонъ угрожалъ королю неаполитанскому, а Людовикъ XVIII предавалъ его суду. Мюратъ имѣлъ дѣло не съ благороднымъ Брюномъ, который, со слезами на глазахъ, пришелъ объявлять ему свои предписанія, а съ низкой неблагодарностію г. де-Ривьера, который на вѣсъ золота (*) покупалъ голову того, который спасъ его собственную (**). Де-Ривьеръ писалъ вице-королю неаполитанскому положиться на благородство и на человѣколюбіе короля Франціи; но это предложеніе не казалось Мюрату достаточной гарантіей, въ особенности со стороны человѣка, который почти на своихъ глазахъ допустилъ умерщвленіе маршала Франціи, снабженнаго пропускомъ, имъ же подписаннымъ. Мюратъ имѣлъ свѣдѣнія о рѣзнѣ мамелюковъ въ Марселѣ и о смерти Брюна въ Авиньонѣ; тулонскій полицейскій комиссаръ (***) увѣдомилъ его о томъ, что были отданы строжайшія приказанія о взятіи его подъ арестъ. Мюрату не оставалось никакой возможности оставаться во Франціи. Корсика, съ своими гостепріимными городами, дружелюбными горами и непроницаемыми лѣсами, находилась отъ него не болѣе, какъ въ пятидесяти лье. Нужно было рѣшиться—въ городахъ, лѣсахъ и горахъ Корсики ожидать, какимъ образомъ короли рѣшатъ участь того, котораго они въ теченіе семи лѣтъ называли своимъ братомъ.

Въ десять часовъ вечера, король прибылъ на берегъ. Лодка, долженствующая отвезти его въ Корсику, не была еще на

(*) Голова его была оцѣнена въ 48,000 франковъ.

(**) Мюратъ спасъ де-Ривьера во время заговора Пишегрю.

(***) По имени Жоликлэвъ.

условленномъ мѣстѣ; но на этотъ разъ нечего было бояться: она болѣе не могла заблудиться, ибо заливъ и берегъ, въ теченіе дня, были изслѣдованы тремя друзьями, преданными королю: это были гг. Бланкаръ, Лангладъ и Донадье, всѣ трое офицеры морской службы, которые, съ опасностію собственной жизни, рѣшились доставить Мюрата въ Корсику; а потому Мюратъ безъ всякаго безпокойства смотрѣлъ на пустынный берегъ: замедленіе прибытія лодки дало ему отрадное чувство еще нѣсколько лишнихъ минутъ вдыхать въ себя воздухъ отчизны. Находясь на клочкѣ земли, на бесплодномъ пѣскѣ прибрежья, онъ былъ все еще во Франціи, его матери; но, разъ ступивши на судно, которое увозило его въ Корсику, онъ покидалъ ее надолго, быть можетъ и навсегда.

Среди этихъ размышленій, онъ вдругъ вздрогнулъ: въ прозрачной темнотѣ южной ночи, онъ замѣтилъ парусъ, подобно привидѣнію скользящій по волнамъ. Вскорѣ раздалась пѣснь моряка: Мюратъ слышалъ условный знакъ, въ отвѣтъ на него зажегъ порохъ на полкѣ пистолета, барка тотчасъ же направилась къ берегу; но такъ какъ она сидѣла въ водѣ почти на три фута, то принуждена была остановиться въ десяти или двѣнадцати шагахъ отъ берега. Два человѣка вскочили въ воду и вышли на берегъ; третій, завернутый въ плащъ, оставался въ лодкѣ у руля.

— Итакъ, мои храбрые друзья, сказалъ король, обратившись къ Бланкару и Лангладу: — минута къ отплытію настала. Вѣтеръ попутный, море спокойно; надо отправляться.

— Да, государь, отвѣтилъ Лангладъ, — ѣхать надо, но не лучше ли отложить поѣздку до завтрашняго утра?

— Для чего же? спросилъ король.

Лангладъ ничего не отвѣтилъ; но, оборотаясь къ западу, по обычаю моряковъ, онъ свистнулъ, какъ будто призывая къ себѣ вѣтеръ.

— Это бесполезно, отвѣтилъ Донадье, который оставался въ лодкѣ: — вотъ уже начинаются первые порывы вѣтра, и въ скоромъ времени намъ, пожалуй, съ ними и не справиться.... Берегись, Лангладъ, берегись: иногда призывая вѣтеръ, накликаешь цѣлую бурю.

Мюратъ вздрогнулъ: слова эти, донесенныя до него съ моря, чудились ему какимъ-то предсказаніемъ духа водъ; но

впечатлѣніе это было непродолжительно, и Мюратъ тотчасъ же возразилъ:

— Тѣмъ лучше для насъ: чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ быстрѣе будетъ наше плаваніе.

— Такъ, возразилъ Лангладъ: — но одному только Богу извѣстно, куда понесетъ насъ вѣтеръ, если онъ будетъ столь измѣнчивъ, какъ теперь.

— Не отъѣзжайте нынѣшнюю ночь, государь, сказалъ Бланкаръ, подкрѣпляя своимъ мнѣніемъ слова двухъ своихъ товарищей.

— Да, наконецъ, отчего же намъ не ѣхать?

— Взгляните на эту черную полосу: при солнечномъ захожденіи, она едва была замѣтна, теперь закрываетъ уже часть горизонта, а черезъ нѣсколько времени вы болѣе не увидите ни одной звѣзды на небѣ.

— Что жъ, развѣ вы боитесь? проговорилъ Мюратъ.

— Мы боимся! отвѣтилъ Лангладъ:—чего же намъ бояться? бури?—Онъ пожалъ плечами.—Это почти тоже, если бы я спросилъ ваше величество, боитесь ли вы пушечнаго ядра.... Если мы предупреждаемъ васъ о возможности бури, то только изъ опасеній за васъ, государь; намъ же, закаленнымъ въ морской службѣ, что отъ бури дѣлается!

— Такъ ѣдемъ! воскликнулъ Мюратъ, вздохнувъ.—Прощайте, Маруэнъ... Одинъ Богъ можетъ вознаградить васъ за все, что вы для меня сдѣлали.... Господа, я къ вашимъ услугамъ.

При послѣднихъ словахъ, оба моряка схватили короля, подняли его на свои плечи и черезъ нѣсколько минутъ перенесли его въ лодку.

Донадѣ остался у руля, а Лангладъ и Бланкаръ, сѣвши позади короля, взялись за управленіе лодкой и тотчасъ же развернули парусъ. Подобно лошади, почувствовавшей шпоры, маленькое судно какъ будто оживилось. Моряки съ полнымъ равнодушіемъ взглянули на землю; Мюратъ же, чувствуя, что лодка удаляется, обратился къ Маруэну и закричалъ ему:

— Я далъ вамъ маршрутъ до Триеста.... не забудьте моей жены.... Прощайте, прощайте!...

— Да хранитъ васъ Богъ, проговорилъ Маруэнъ.

Нѣсколько времени, благодаря бѣлому парусу, который рѣзко обрисовывался въ темнотѣ, онъ слѣдилъ за быстро уда-

ляущеюся лодкою; наконецъ она совершенно скрылась изъ глазъ. Маруэнъ оставался все еще на берегу, хотя онъ уже болѣе ничего не видѣлъ и не слышалъ; вдругъ до него долетѣлъ слабый крикъ: это было послѣднее прощаніе Мюрата съ Франціей....

Когда однажды вечеромъ, на самомъ мѣстѣ этого происше- ствія, Маруэнъ рассказывалъ мнѣ описанныя здѣсь подробности, то, несмотря на то, что прошло около двадцати лѣтъ, они такъ живо врѣзались въ его память, что онъ помнилъ всѣ малѣйшія обстоятельства, сопровождавшія это ночное отплытіе. Онъ увѣ- рялъ меня, что съ этой самой минуты имъ овладѣло предчув- ствіе какого-то несчастія, такъ что онъ долго не могъ отор- ваться отъ берега, и нѣсколько разъ ему хотѣлось закричать королю, чтобы онъ воротился; но чувство это было подобно бреду, и ротъ его открывался, не издавая ни малѣйшаго звука. Онъ боялся показаться безразсуднымъ и со смертельною грустію на сердцѣ возвратился домой только въ часъ утра, т. е. черезъ два съ половиною часа послѣ отплытія лодки.

Что же касается до безстрашныхъ моряковъ, то они направили свой путь по широкому фарватеру, который ведетъ изъ Тулона въ Бастію, и предсказанія ихъ казались сначала королю совершенно ложными и несбыточными: вмѣсто того, чтобы усилиться, вѣтеръ совершенно стихъ, и часа черезъ два послѣ отплытія, не подвигаясь болѣе ни впередъ, ни назадъ, лодка спокойно качалась на волнахъ, которыя постепенно сглажива- лись. Печально смотрѣлъ Мюратъ на угасающую борозду съ фосфорическимъ свѣтомъ, которая тащилась вслѣдъ за маленькимъ судномъ: при отъѣздѣ, король вооружился всѣмъ своимъ муже- ствомъ противъ бури, но не противъ затишья. Не сказавъ ни слова своимъ товарищамъ по путешествію, на безпокойство ко- торыхъ онъ обращалъ мало вниманія, король легъ на дно лод- ки, завернувшись въ свой плащъ, закрылъ глаза и, притворив- шись спящимъ, совершенно предался обуревавшимъ его мыслямъ. Вскорѣ послѣ этого, полагая, что король заснулъ, два моряка встали съ своихъ мѣстъ и, присѣвъ къ рулю, начали держать совѣтъ.

— Вы напрасно, Лангладъ, началъ Донадье: — взяли судно столь маленькое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь большое: безъ палу- бы мы не можемъ устоять противъ бури, а безъ весель не можемъ подвигаться въ штиль.

— Богъ вамъ свидѣтель, что выборъ вовсе не зависѣлъ отъ меня. Я принужденъ былъ захватить то, что прежде попало, и еслибъ теперь было не время закъла (*), то я не нашель бы и этой скверной лодчонки; или же для этого надобно было отправиться въ гавань, въ которую, конечно, нетрудно было бы войти, но, благодаря установленному надзору, весьма трудно было бы выйти.

— Крѣпка ли, по крайней мѣрѣ, наша лодка? спросилъ Бланкаръ.

— Будто ты не знаешь, что такое нѣсколько досокъ и гвоздей, купающихся въ теченіе десяти лѣтъ въ водѣ? При обыкновенной надобности, никто не согласился бы переѣхать въ ней изъ Марсея до замка Ифъ; при обстоятельствахъ же, подобныхъ нашимъ, можно сдѣлать путешествіе вокругъ свѣта и на орѣховой скорлупѣ.

— *Shut!* проговорилъ Донадье.

Моряки прислушались: издали послышался глухой шумъ, но столь слабый, что нужно было быть сыномъ моря, чтобы его разслышать.

— Такъ, такъ, сказалъ Лангладъ:—это предувѣдомленіе тѣмъ, у кого есть ноги и крылья, чтобы они поспѣшали въ свои гнѣзда, которыхъ не должны были бы оставлять.

— Далекъ ли отъ острововъ? живо спросилъ Донадье.

— На разстояніи около лье. Направляйтесь на нихъ.

— Это для чего? спросилъ Мюратъ, привставъ съ своего мѣста.

— Чтобы причалить къ нимъ, государь, если мы только будемъ въ состояніи это сдѣлать.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскрикнулъ Мюратъ: — я не хочу ступить болѣе ни на какую землю, кромѣ Корсики; я не хочу еще разъ покидать Францію. Притомъ же, море спокойно, и вотъ вѣтеръ снова разыгрывается.

— Спускайте паруса! закричалъ Донадье.

Лангладъ и Бланкаръ тотчасъ же бросились исполнять приказаніе. Парусъ былъ спущенъ и упалъ на дно судна.

— Что вы дѣлаете? закричалъ Мюратъ: — вы забываете, что я король, и я вамъ приказываю.

* (*) Для ловли рыбы (thou).

— Государь, отвѣтилъ Донадь: — здѣсь есть король могущественнѣ васъ — это Богъ; здѣсь голосъ, покрывающій всѣ голоса своимъ могуществомъ — это голосъ бури.... Если только будетъ возможно, то позвольте намъ спасти ваше величество и не требуйте ничего болѣе....

Въ эту минуту, на горизонтѣ блеснула молнія, раздался ударъ грома; вся поверхность моря покрылась легкой пѣной, и судно вздрогнуло, подобно одушевленному существу. Мюратъ началъ понимать, что опасность приближается. Съ улыбкой на лицѣ, онъ всталъ съ своего мѣста, отбросилъ назадъ свою шляпу и, встряхнувъ свои длинные волосы, вдохнулъ въ себя струю воздуха: солдатъ готовъ былъ на бой.

— Государь, обратился къ нему Донадь: — на своемъ вѣку вы видали много сраженій; но, можетъ быть, вамъ не случилось видѣть бури. Если вамъ угодно взглянуть на это зрѣлище, то держитесь крѣпче за мачту.

— Но не могу ли я помочь вамъ чѣмъ нибудь? сказала Мюратъ.

— Не въ настоящую минуту, государь; немного позднѣ мы васъ употребимъ къ помпамъ.

Межь тѣмъ, буря все болѣе и болѣе разыгрывалась, вѣтеръ дулъ съ неизмовѣрною силою. Донадь круто повернулъ руль. лодка уступила его усилю, какъ будто понимая необходимость скорого послушанія, подставивъ корму порывамъ вѣтра; наконецъ, вихрь какъ бы стихнулъ, оставивъ за собою волнующееся море. Казалось, что спокойствіе навремя снова возстановилось. Буря какъ будто собиралась съ духомъ.

— Ну, что, совѣмъ ли мы разсчитались съ этимъ шкваломъ? спросилъ Мюратъ.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Донадь: — все это было до сихъ поръ не болѣе, какъ авангардное дѣло — главныя силы слѣдуютъ за авангардомъ.

— Не должны ли мы сдѣлать какихъ либо приготовленій, чтобы встрѣтить непріятели? весело спросилъ король.

— Ваше величество, у насъ не осталось болѣе ни куска полотна, куда бы могъ дуть вѣтеръ. До тѣхъ поръ, пока не потечетъ лодка, мы будемъ плавать какъ кусокъ пробки. Держитесь крѣпче, государь!...

И, дѣйствительно, въ это самое время, вторичный шквалъ,

сопровождаемый дождемъ и молніей, налетѣлъ сильнѣе прежняго. Донадье хотѣлъ повторить уже сдѣланный ими однажды маневръ, но не былъ въ состояніи противостоять вѣтру; мачта наклонилась, и лодка захлебнула воды.

— Къ помпамъ! закричалъ Донадье: — государь, минута помогать намъ наступила.

Бланкаръ, Лангладъ и Мюратъ схватили свои шляпы и принялись вычерпывать воду.

Положеніе этихъ четырехъ людей было ужасно. Оно продолжалось около трехъ часовъ. На разсвѣтѣ вѣтеръ утихъ, море продолжало волноваться. Продолжительное напряженіе силъ напоминало о подкрѣпленіи ихъ пищею; но вся взятая съ собою провизія была пропитана морской водой. Уцѣлѣло только одно вино. Король взялъ бутылку и первый сдѣлалъ изъ нея нѣсколько глотковъ, потомъ передалъ ее своимъ спутникамъ, которые исполнили то же самое: нужда изгнала этикетъ. Лангладъ случайно имѣлъ при себѣ нѣсколько палочекъ шоколада, которыя онъ предложилъ королю. Мюратъ раздѣлилъ ихъ на четыре равныя части, для себя и своихъ спутниковъ. Окончивши трапезу, пловцы подняли парусъ и направили путь свой къ Корсикѣ; но лодка такъ сильно пострадала, что едва ли была какая либо возможность достигнуть благополучно берега.

Въ продолженіе наступившаго дня, путники не могли сдѣлать болѣе десяти лье. Они плыли подъ маленькимъ парусомъ, не рѣшаясь поднять большаго: вѣтеръ былъ до того переменчивъ, что все почти время уходило на борьбу съ его безпрестанными измѣненіями. Вечеромъ показалась течь: вода проникла между двумя разъединившимися досками. Собранные со всего экипажа носовые платки были употреблены для того, чтобы заткнуть щель. Вскорѣ темная и печальная ночь вторично охватила спутниковъ своимъ мракомъ. Изнеможенный Мюратъ заснулъ; Бланкаръ и Лангладъ снова присѣли къ Донадье, и эти три человѣка, которые, казалось, не нуждались ни въ отдыхѣ, ни въ снѣ, наблюдали за спокойствіемъ сна Мюрата.

Ночь, повидимому, наступила тихая и спокойная; только изрѣдка раздавался какой-то глухой трескъ, при которомъ моряки значительно переглядывались между собой. Потомъ глаза ихъ обращались на короля, который спалъ на днѣ лодки, завернутый въ своей шинели, обмокшей въ морской водѣ. Онъ

спалъ такъ же крѣпко и покойно, какъ, въ прежнія времена, на пескахъ Египта и на снѣгахъ Россіи. Повременамъ тотъ или другой изъ моряковъ вставалъ и отправлялся на другой конецъ лодки, сквозь зубы насвистывая пѣсню, и, осмотрѣвъ лодку, взглянувъ на море и на небо, снова возвращался къ своимъ товарищамъ, говоря: «Доѣхать невозможно; одно только чудо можетъ спасти насъ». Въ подобныхъ тревоженіяхъ, прошла ночь. На разсвѣтѣ, путники находились въ виду приближающагося къ нимъ судна.

— Парусъ! парусъ! закричалъ Донадье.

Проснулся король. Не вдалекѣ отъ лодки показался купеческій бригъ, плывшій изъ Корсики въ Тулонъ. Донадье направилъ на него лодку, Бланкаръ поднялъ парусъ, Лангладъ вскочилъ на носъ, поднимая вверхъ плащъ короля на длинномъ шестѣ. Вскорѣ путешественники увидали, что они были замѣчены; бригъ направился къ нимъ на встрѣчу, и, не далѣе какъ черезъ десять минутъ, они уже находились въ пятидесяти шагахъ разстоянія другъ отъ друга. Капитанъ показался на бакѣ. Тогда король окликнулъ его, предлагая большое вознагражденіе, если онъ возьмется доставить его, съ тремя товарищами, на Корсику. Капитанъ выслушалъ предложеніе, потомъ, обратившись къ своему экипажу, вполголоса отдалъ какое-то приказаніе, котораго Донадье не могъ разслышать; но, понявъ, вѣроятно, сдѣланный имъ жестъ, онъ немедленно скомандовалъ Бланкару и Лангладу поспѣшнѣе удалиться отъ брига. Они исполнили это приказаніе съ быстротою, свойственною только однимъ морякамъ.

— Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете, Донадье? сказалъ король, съ досадою: — развѣ вы не видите, что они плывутъ къ намъ?

— Вижу, все вижу.... Дѣйствуйте живѣй, Бланкаръ, быстрѣй, Лангладъ!... Да, они направляются на насъ, и, можетъ статься, я слишкомъ поздно замѣтилъ это... Хорошо, друзья! такъ, хорошо! теперь ко мнѣ.

Тутъ онъ всѣмъ тѣломъ своимъ налегъ на руль и сдѣлалъ такой крутой и быстрый поворотъ, что лодка, принужденная перемѣнить направленіе, казалось, сначала сопротивлялась ему, подобно лошади, противящейся удиламъ, наконецъ повиновалась усиліямъ правящей ею руки. Огромнѣйшая волна, поднятая гигантомъ, направленнымъ прямо на лодку,

унесла ее съ собой какъ скорлупу: бригъ проплылъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кормы.

— А, измѣнникъ! закричалъ король, который только теперь понялъ намѣреніе капитана. — Въ эту самую минуту, онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и съ крикомъ: на абордажъ, на абордажъ! спустилъ курокъ; но порохъ былъ подмоченъ: выстрѣла не послѣдовало. Король былъ въ бѣшенствѣ и не переставалъ кричать: на абордажъ, на абордажъ!

— Да, да, презрѣнный, или, скорѣй, сумасшедшій, сказалъ Донадь: — онъ принялъ насъ за морскихъ разбойниковъ и хотѣлъ потопить, какъ будто мы не обойдемся, въ этомъ случаѣ, безъ его помощи.

И, дѣйствительно, взглянувъ на лодку, нетрудно было замѣтить, что она сильно начала течь. Послѣдняя попытка Донадь къ спасенію окончательно повредила судно: вода врывалась черезъ множество щелей. Всѣ снова принялись черпать воду шляпами. Работа продолжалась цѣлыхъ десять часовъ. Наконецъ Донадь вторично воскликнулъ: «парусъ! парусъ!»

Король и оба его товарища тотчасъ же прекратили работу, снова подняли свой парусъ и направили лодку на приближающееся судно; вода же въ лодкѣ, оставаясь не вычерпнутою, быстро прибывала.

Теперь весь вопросъ заключался во времени—въ каждой минутѣ, въ каждой секундѣ: нужно было достичь судна прежде, чѣмъ лодка окончательно наполнится водой. Корабль, съ своей стороны, кажется, понималъ безнадежное положеніе моряковъ и быстро бѣжалъ къ нимъ на встрѣчу. Лангладъ первый узналъ его: это было казенное почтовое судно, дѣлавшее рейсы между Тулономъ и Корсикой. Лангладъ былъ другъ капитана и называлъ его по имени. Сильный голосъ моряка былъ услышанъ. Вода прибывала все болѣе и болѣе. Король и его товарищи были уже по колѣни въ водѣ; лодка стонала подобно умирающему, не подвигалась болѣе впередъ, но начала кружиться на мѣстѣ. Въ это самое время, три каната были брошены съ судна въ лодку. Король схватилъ одинъ изъ нихъ и взялся за веревочную лѣстницу — онъ былъ спасенъ. Бланкаръ и Лангладъ сдѣлали то же самое. Донадь остался послѣдній, какъ будто это была его обязанность, и когда одной ногой онъ ступалъ на лѣстницу, то подъ другою чувствовалъ, что покидаемая имъ

лодка идетъ ко дну. Со спокойствіемъ моряка онъ обернулся и увидалъ, что пучина разверзла пасть, и вслѣдъ затѣмъ лодка, закружась сильнѣе, исчезла въ безднѣ. Еще пять секундъ, и эти четыре человѣка, только что спасенные, погибли бы навѣкъ.... (*)

Едва Мюратъ взошелъ на палубу, какъ къ его ногамъ бросился какой-то человѣкъ: это былъ мамелюкъ, вывезенный имъ изъ Египта и который послѣ того женился въ Каstellамарѣ. Торговья дѣла призвали его въ Марсель, гдѣ онъ едва спасся, при общей гибели своихъ собратій. Невзирая на переѣмъ платья и на усталость, измѣнившую лицо Мюрата, мамелюкъ тотчасъ же узналъ своего прежняго властелина. Эти изъявленія радости не позволяли болѣе королю сохранять свое инкогнито. Находящіеся на суднѣ сенаторъ Казабанка, капитанъ Олетта, одинъ изъ племянниковъ князя Бачіогчи, комиссаръ по имени Боэрко, также скрывавшіеся отъ рѣзни на югѣ, тотчасъ же начали величать Мюрата титуломъ величества и составили нѣчто въ родѣ маленькаго импровизированнаго двора. Переходъ былъ рѣзокъ и произвелъ переѣмъ въ положеніи: на кораблѣ находился уже не бѣглець Мюратъ, а Іоакимъ I, король неаполитанскій. Земля его ссылки исчезла вмѣстѣ съ потонувшей лодкой; вмѣсто ся, подобно миражу, показался на горизонтѣ Неаполь, съ своимъ великолѣпнымъ заливомъ, и первая мысль роковой калабрійской экспедиціи, безъ сомнѣнія, родилась въ его умѣ въ эти минуты упоенія, которыя послѣдовали за часами агоніи.

Между тѣмъ, не зная еще, какой пріемъ ожидалъ его въ Корсикѣ, король, 25 августа, вступилъ въ Бастію, подъ именемъ графа де-Кампо-Мелль. Но предосторожность эта оказалась бесполезною: три дня спустя, весь городъ зналъ уже о пріѣздѣ короля. Образовались сборища, и по улицамъ раздавались крики: «да здравствуетъ Іоакимъ!» Боясь нарушить народное спокойствіе, король, въ тотъ же вечеръ, выѣхалъ изъ города, съ своими тремя спутниками и мамелюкомъ. Два часа спустя, онъ уже въѣзжалъ въ Висковато и стучался въ дверь генерала Франческетти, находившагося у него на службѣ во все время его цар-

(*) Эти подробности извѣстны въ Тулонѣ и болѣе двадцати разъ были мнѣ разсказаны, во время моего двойкаго пребыванія въ этомъ городѣ: въ 1834 и 1835 годахъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые передавали мнѣ эти подробности, лично слышали ихъ изъ устъ Ланглеа и Донадье.

Прим. автора.

ствованія, и который, оставивъ Неаполь въ одно время съ королемъ, избралъ для семьи своей мѣстомъ жительства Корсику, гдѣ и поселился въ домѣ своего тестя, г. Колонна-Чикальди. Генераль садился за ужинъ, когда ему доложили, что какой-то незнакомецъ желаетъ съ нимъ говорить. Онъ вышелъ и увидалъ Мюрата, завернутаго въ военный плащъ, въ фуражкѣ моряка, съ длинной бородой и въ солдатскихъ панталонахъ, штиблетахъ и башмакахъ. Генераль остановился изумленный. Мюрать пристально смотрѣлъ на него, потомъ, скрестивъ руки, сказалъ:

— Франчесчетти, найдется ли за вашимъ столомъ мѣсто для прежняго вашего генерала, въ настоящую минуту голоднаго? Найдется ли подъ кровлей вашей убѣжище для бывшаго короля вашего — изгнанника?...

Узнавъ Юахима, генераль вскрикнулъ отъ радости и, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, бросился къ его ногамъ и поцѣловалъ его руку. Съ этой минуты, домъ генерала былъ въ полномъ распоряженіи Мюрата.

Едва распространился слухъ о пріѣздѣ короля, какъ изъ всѣхъ окрестностей начали сбѣгаться въ Висковато офицеры различныхъ родовъ службы, ветераны, которые сражались подъ его начальствомъ, и корсиканскіе егеря, которыхъ привлекалъ его отважный характеръ. Въ нѣсколько сутокъ, домъ генерала превратился во дворецъ, селеніе—въ королевскую резиденцію, островъ—въ королевство. Начали распространяться странные слухи о намѣреніяхъ Мюрата; армія, около девятисотъ человекъ, способствовала къ приданію имъ вѣрности. Въ это самое время, съ нимъ распростились Лангладъ, Бланкаръ и Донадь. Мюрать старался ихъ удержать; но они посвятили себя для спасенія осужденнаго и бѣглеца, но не для короля.

Мы упомянули, что Мюрать встрѣтился еще на почтовомъ суднѣ съ однимъ изъ своихъ старыхъ мамелюковъ, по имени Отелло, который прибылъ вмѣстѣ съ нимъ въ Висковато; этого самаго человека вице-король неаполитанскій хотѣлъ сдѣлать своимъ повѣреннымъ. Семейныя связи призывали его въ Кастеллармару, куда король и приказалъ ему ѣхать, съ порученіемъ передать письма, адресованныя людямъ, на преданность которыхъ онъ болѣе всего разсчитывалъ. Отелло отправился и прибылъ благополучно къ своему тестю. Разсчитывая, что можетъ положиться на тестя, онъ разсказалъ ему про свое порученіе. Устра-

шенный тесть увѣдомилъ полицію: былъ сдѣланъ ночной обыскъ въ домѣ Отелло, и переписка Мюрата была захвачена.

На другой же день, всѣ лица, на имя которыхъ были адресованы письма, были арестованы и получили приказаніе отвѣчать немедленно Мюрату, какъ будто они находятся на свободѣ, и указать ему Салерно, какъ на мѣсто, наиболѣе удобное для высадки. Изъ семи человѣкъ, пятеро имѣли низость повиноваться требованію; остальные же двое, два брата Испанца, рѣшительно отказались исполнить это приказаніе, за что и были посажены въ тюрьму.

17 сентября, Мюратъ выѣхалъ изъ Висковато, въ сопровожденіи генерала Франчесчетти и нѣсколькихъ корсиканскихъ офицеровъ. Онъ направилъ свой путь въ Аяціо. Во всѣхъ находящихся на пути селахъ и городахъ, его принимали какъ короля; у воротъ каждаго города къ нему выходила на встрѣчу депутація, которая привѣтствовала его, титулуя величествомъ. Наконецъ, 23 сентября, онъ прибылъ въ Аяціо. Все народонаселеніе ожидало его за стѣнами города. Въѣздъ его въ городъ былъ настоящимъ торжествомъ. Его на рукахъ несли вплоть до гостинницы, отведенной ему на все время его пребыванія въ городѣ. У человѣка даже менѣе впечатлительнаго, чѣмъ Мюратъ, было отъ чего закружиться головѣ; что же касается до него, то онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Войдя въ гостинницу, онъ протянулъ руку Франчесчетти.

— Взгляните, какимъ образомъ меня принимаютъ Корсиканцы, сказалъ онъ:—чего же должно ожидать отъ Неаполитанцевъ?

Это было первое слово, вырвавшееся у него объ его будущихъ предположеніяхъ, и съ этого же дня онъ приказалъ все готовить къ отъѣзду.

Собрали десять маленькихъ судовъ. Одинъ Мальтіецъ, по имени Барбара, старый капитанъ фрегата неаполитанскаго флота, былъ назначенъ начальникомъ эскадры. Немедленно было набрано и приглашено на службу 250 человѣкъ, съ приказаніемъ постоянно находиться въ готовности къ отплытію.

Мюратъ только и поджидалъ отвѣтовъ отъ Отелло; наконецъ они были получены утромъ, 28 числа. Мюратъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ офицеровъ и приказалъ раздать солдатамъ двойное жалованье и двойныя порціи.

За десертомъ, королю доложили о приѣздѣ г. Манцерони.

Манцерони былъ уполномоченъ иностранными державами доставить Мюрату отвѣтъ, столь давно ожидаемый имъ, еще въ Тулонѣ. Мюратъ всталъ изъ-за стола и вышелъ въ сосѣдную комнату. Манцерони представился ему какъ посланный съ официальнымъ порученіемъ и передалъ королю ультиматумъ императора австрійскаго. Содержаніе его было слѣдующее:

«Г. Манцерони симъ уполномоченъ увѣдомить короля Іоахима, что его величество императоръ австрійскій даетъ ему убѣжище въ своихъ владѣніяхъ на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

«1) Король приметъ имя частнаго лица, и такъ какъ королева приняла фамилію Липано, то ее же предлагаютъ и королю.

«2) Для жительства король можетъ избрать какой ему угодно городъ: въ Богеміи, Моравіи и Верхней Австріи; равнымъ образомъ королю предоставляется право поселиться, по его выбору, въ одномъ изъ селеній тѣхъ же провинцій.

«3) Король обязывается честнымъ словомъ его императорскому величеству: не покидать австрійскихъ владѣній безъ предварительнаго на то согласія императора и жить въ Австріи какъ частный человекъ знатной фамиліи, подчиняясь законамъ Австрійской имперіи.

«Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшійся получилъ повелѣніе императора скрѣпить своимъ подписомъ настоящее объявленіе. Дано въ Парижѣ 1 сентября 1815 года.

«Подписаль: князь Меттернихъ.»

Окончивъ чтеніе, Мюратъ улыбнулся, потомъ сдѣлалъ знакъ Манцерони слѣдовать за нимъ. Онъ повелъ его на командующую всѣмъ городомъ террасу гостиницы, съ развѣвающимся надъ ней флагомъ, подобно какъ на королевскомъ дворцѣ. Отсюда былъ видѣнъ веселый и иллюминированный городъ Аяціо, съ гаванью, въ которой колыбалась маленькая флотилія; улицы города, какъ въ праздничный день, были полны гуляющимъ народомъ. Лишь только толпа увидала Мюрата, отсюду раздались крики: «да здравствуетъ Іоахимъ! да здравствуетъ братъ Наполеона! да здравствуетъ король неаполитанскій!» Мюратъ поклонился—крики удвоились, и раздалась военная музыка, играющая національныя пѣсни. Манцерони не зналъ, вѣрить ли ему во все слышанное и видимое. Насладившись изумленіемъ Манцерони, король пригласилъ его войти въ гостиницу. Весь его штабъ былъ со-

бранъ въ блистательной формѣ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости, Манцерони подошелъ къ Мюрату:

— Государь, сказалъ онъ: — какой же долженъ я дать отвѣтъ его величеству императору австрійскому?

— Расскажите ему, милостивый государь, отвѣтилъ Мюратъ, съ чувствомъ достоинства, которое такъ шло къ его прекрасному лицу, — расскажите моему брату Францу все, что вы видѣли и слышали, и, кромѣ того, прибавьте еще, что я нынѣшнюю же ночь отправлюсь завоевывать мое Неаполитанское королевство.

Письма, бывшія слѣдствіемъ рѣшенія Мюрата покинуть Корсику, были доставлены ему Калабрійцемъ по имени Луиджи. Онъ представился ему какъ посланный Араба Отелло, который, вмѣстѣ съ лицами, которымъ этотъ послѣдній былъ уполномоченъ отъ Мюрата передать письма, былъ заключенъ въ тюрьмѣ Неаполя. Въ письмахъ, писанныхъ подъ диктовку неаполитанскаго министра полиціи, портъ Салерно былъ назначенъ Іоахиму самымъ удобнымъ мѣстомъ для высадки, ибо король Фердинандъ собралъ на этомъ пунктѣ три тысячи человѣкъ австрійскаго войска, не смѣя положиться на неаполитанскихъ солдатъ, которые сохранили въ своей памяти глубокія воспоминанія о Мюратѣ. Флотилія направилась къ Салернскому заливу, но, бывъ уже въ виду острова Капреи, внезапно была застигнута бурей, отогнавшею ее въ Паола, маленькій портъ, отстоящій не болѣе десяти лье отъ Козенца. Всѣ суда провели ночь съ 5 на 6 октября въ выемкѣ берега, не имѣющей права носить названіе рейда. Чтобы не возбудить никакого подозрѣнія въ береговой стражѣ и въ сицилійскихъ скорридори (*), король приказалъ погасить всѣ огни и лавировать до утра. Но къ часу утра съ берега поднялся такой сильный вѣтеръ, что всю эскадру снова угнало въ открытое море, такъ что, къ разсвѣту 6 числа, судно, на которомъ находился король, было совершенно отдѣлено отъ остальной флотиліи. Утромъ къ нему присоединилось еще судно капитана Циккони, и, въ четыре часа послѣ обѣда, оба судна бросили якорь въ виду Сантъ-Люсидо. Вечеромъ король отдалъ приказаніе начальнику баталіона, Оттавіани, отправиться на берегъ для собранія различныхъ свѣдѣній. Луиджи вызвался его сопровождать. Мюратъ принялъ предложеніе, и Оттавіани со

(*) Поставыя сицилійскія лодки.

своимъ проводникомъ отправились на берегъ, въ то время, какъ Циккони, на своемъ суднѣ, шелъ въ море отыскивать остальную флотилію.

Къ одиннадцати часамъ ночи, вахтенный на королевскомъ суднѣ замѣтилъ вплавь приближающагося къ судну человѣка. Какъ только онъ былъ на разстояніи голоса, то лейтенантъ его окликнулъ. Плыущій тотчасъ же себя назвалъ: это былъ Луиджи. Ему спустили шлюпку, и онъ немедленно былъ поднятъ на судно. Тутъ онъ разсказалъ, что Оттавіани былъ захваченъ и что онъ самъ, только бросившись въ море, едва спасся отъ преслѣдованій. Первымъ движеніемъ Мюрата было тотчасъ же отправиться для освобожденія Оттавіани; но Луиджи объяснилъ королю всю опасность и бесполезность этой попытки. Іоакимъ до двухъ часовъ утра оставался въ нерѣшимости и страшномъ волненіи. Наконецъ онъ отдалъ приказаніе отправиться въ море. При исполненіи этого маневра, въ море упалъ одинъ матросъ и исчезъ такъ скоро, что не успѣли подать ему никакой помощи. Всѣ предзнаменованія были зловѣщи.

7 числа, утромъ, показались два судна. Король тотчасъ же велѣлъ изготавиться къ оборонѣ; но Барбара узналъ въ нихъ судно Циккони, которое плыло вмѣстѣ съ отысканнымъ имъ судномъ капитана Куррана. Сдѣлали окликъ, и оба капитана присоединились къ королю.

Въ то время, когда разсуждали о дорогѣ, по какой они должны были слѣдовать, къ судну Мюрата подплыла лодка. Въ ней находились капитанъ Пернисъ съ однимъ лейтенантомъ подъ его командой; они просили у короля позволенія перейти на его палубу, не желая болѣе оставаться у Куррана, который, по ихъ убѣжденію, былъ измѣнникъ. Мюратъ послалъ за нимъ и, несмотря на изъявленія его преданности, приказалъ спустить его съ пятьюдесятью человѣками въ шлюпку и канатомъ привязать шлюпку къ своему судну. Приказаніе было немедленно исполнено, и маленькая эскадра продолжала свое плаваніе вдоль калабрійскихъ береговъ, не теряя, впрочемъ, ихъ изъ вида; но въ десять часовъ вечера, когда она проходила на высотѣ залива Св. Евфиміи, капитанъ Курранъ обрубилъ канатъ, который тащилъ его лодку, и, съ помощію веселъ, быстро удался отъ флотиліи. Мюратъ, совершенно одѣтый, лежалъ на своей постели, когда ему доложили объ этомъ происшествіи. Онъ тот-

часть же выскочилъ на палубу и былъ еще въ состоянїи рассмотреть шляпку, которая, въ темнотѣ ночной, бѣжала по направленію къ Корсикѣ и въ скоромъ времени совѣтъ скрылась. Онъ стоялъ недвижимъ, не изъявляя ни малѣйшаго гнѣва; онъ только глубоко вздохнулъ и опустилъ голову на грудь: это былъ еще одинъ листокъ, упавшій съ волшебнаго дерева его надеждъ.

Пользуясь этими минутами унынія, генералъ Франчесчетти подалъ королю совѣтъ не дѣлать высадки на берега Калабріи, а отправиться прямо въ Триестъ—просить у Австріи предложеннаго ею убѣжища. Король, находившійся подъ вліяніемъ различныхъ тяжелыхъ ощущеній, сначала отвергалъ совѣты генерала, но кончилось тѣмъ, что согласился имъ слѣдовать. Въ эту минуту, генералъ замѣтилъ матроса, лежащаго между свернутымъ канатомъ и находящагося отъ нихъ на такомъ разстоянїи, что могъ слышать весь ихъ разговоръ. Онъ пальцемъ указалъ его Мюрату, который, подошедши къ нему, узналъ Луиджи: подавленный усталостію, онъ заснулъ на палубѣ. Искренность его сна уничтожила всѣ подозрѣнія короля; къ тому же, онъ питалъ къ Луиджи полную довѣренность. Прерванный разговоръ снова завязался. Рѣшили, не говоря никому о новыхъ планахъ, переправившись черезъ Мессинскій проливъ, обогнуть мысъ Спартивенно и войти въ Адриатическое море. Послѣ этого король и генералъ сошли въ каюту.

На другой день, 8 октября, находясь на высотѣ Пиццо, король далъ приказаніе направиться на Мессину. Капитанъ Барбара отвѣтилъ, что онъ немедленно исполнитъ его приказаніе, но что они терпятъ недостатокъ въ водѣ и провизїи, почему онъ предложилъ пересѣсть на судно Циккони и отправиться съ нимъ на берегъ, чтобы возобновить жизненные припасы. Король согласился. Барбара просилъ снабдить его паспортами, полученными имъ отъ союзныхъ державъ, для того, говорилъ онъ, чтобы не быть задержаннымъ на берегу мѣстными властями. Бумаги эти были такъ важны, что Мюратъ не рѣшался ихъ отдать: можетъ статься, въ это время, въ душѣ его уже и родились нѣкоторыя подозрѣнія. Онъ наотрѣзъ отказалъ. Барбара настаивалъ Мюратъ приказалъ ему идти на берегъ безъ бумагъ. Барбара рѣшительно отказался. Не привыкшій къ непослушанію, король замахнулся хлыстомъ на Мальтійца, но въ это самое время, из-

мѣнивъ прежнее рѣшеніе, отдалъ приказаніе солдатамъ изготовлять оружіе, офицерамъ—надѣвать парадную форму, и первый подалъ тому примѣръ. Высадка была рѣшена, и Пиццо должно было сдѣлаться Жуанскимъ заливомъ новаго Наполеона.

Вслѣдствіе этого, суда направились къ берегу. Король сошелъ въ шлюпку съ 28 солдатами и тремя служителями, въ числѣ которыхъ былъ и Луиджи. Подплывъ къ берегу, генералъ Франчесчетти сдѣлалъ движеніе, чтобы сойти на землю; но Мюрать остановилъ его.

— Я первый долженъ ступить на землю, сказалъ онъ и соскочилъ на берегъ.

Онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ; на немъ были бѣлые брюки, опоясанные кушакомъ, за которымъ были заткнуты два пистолета; на головѣ его была шляпа, шитая золотомъ, съ кокардой, поддерживаемой петлицею, составленною изъ четырнадцати брилльянтовъ; наконецъ, въ рукѣ онъ держалъ знамя, около котораго надѣялся собрать своихъ партизановъ. Въ это время, пробило десять часовъ утра на башнѣ города Пиццо.

Мюрать тотчасъ же направился къ городу, отстоящему не болѣе ста шаговъ отъ берега. Было воскресенье—только что начиналась обѣдня, и все народонаселеніе собралось на площади, когда король взошелъ въ городъ. Никто не узнавалъ короля, и всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на его блестящій штабъ, какъ вдругъ, между крестьянами, король увидѣлъ стараго сержанта, который находился прежде въ его неаполитанской гвардіи. Онъ прямо подошелъ къ нему и положилъ ему руку на плечо. «Тавелла — сказалъ онъ — неужели ты меня не узнаешь?» но такъ какъ тотъ не давалъ ему никакого отвѣта, то онъ продолжалъ: «я—Іоахимъ Мюрать, твой король: тебѣ первому предстоитъ честь провозгласить: да здравствуетъ Іоахимъ!» Свита Мюрата тотчасъ же огласила воздухъ этими криками; но Калабриецъ молчалъ, и никто изъ его товарищей не повторилъ возгласа, къ провозглашенію котораго подалъ примѣръ самъ король. Напротивъ того, глухой ропотъ пробѣжалъ по толпѣ. «Если ты не хочешь кричать: да здравствуетъ Іоахимъ—сказалъ король Тавеллѣ—то приведи мнѣ, по крайней мѣрѣ, лошадь, и изъ сержантовъ я произвожу тебя въ капитаны». Тавелла удалился молча; но, вмѣсто того, чтобы исполнить отданное ему приказаніе, онъ отправился къ себѣ домой и болѣе не показывался. Въ это время,

толпа возрастала все болѣе и болѣе, не изъявляя ни сочувствія, ни дружелюбія, ожидаемыхъ Мюратомъ. Мюратъ понималъ, что онъ погибъ, если не приметъ какого либо быстрого рѣшенія. «Въ Монтелеонъ!» закричалъ онъ, устремившись первый на дорогу, ведущую въ этотъ городъ. «Въ Монтелеонъ!» повторили послѣдовавшіе за нимъ офицеры и солдаты. Молчаливая толпа разступилась, чтобы пропустить Мюрата и свиту.

Но едва оставилъ Мюратъ площадь, какъ въ народѣ началось волненіе. Нѣкто Жоржъ Пеллегринно вышелъ изъ дому съ ружьемъ въ рукахъ и пробѣжалъ по площади съ крикомъ: «къ оружію!» Онъ бѣжалъ предупредить находившагося, въ это время, въ Пиццо капитана Трента Капелли, начальника жандармской команды. Крикъ «къ оружію» имѣлъ въ толпѣ болѣе отголоска, чѣмъ крикъ «да здравствуетъ Іоакимъ!» У каждаго Калабрійца есть ружье, за которымъ каждый и бѣжалъ. Когда же Трента Капелли и Пеллегринно возвратились на площадь, то они нашли тамъ около 200 вооруженныхъ людей. Ставъ во главѣ ихъ, они преслѣдовали короля и минутъ черезъ десять догнали его на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроены мосты. Увидавъ ихъ, Мюратъ остановился, поджидая своихъ преслѣдователей.

Тогда, съ саблею въ рукѣ, Трента Капелли подошелъ къ королю, который обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Желаете ли вы, милостивый государь, промѣнять капитанскія эполеты на генеральскія? кричите: «да здравствуетъ Іоакимъ!» и слѣдуйте за мной съ этимъ храбрымъ народомъ.

— Государь, отвѣтилъ Трента Капелли: — мы всѣ вѣрно-подданные короля Фердинанда и пришли не слѣдовать за вами, но побѣдить васъ. Сдавайтесь, если вы не желаете кровопролитія.

Мюратъ взглянулъ на жандармскаго капитана съ выраженіемъ, которое невозможно передать; потомъ, не удостоивъ его отвѣта, онъ одной рукой сдѣлалъ ему знакъ удалиться, другою же рукой схватился за рукоятъ пистолета. Жоржъ Пеллегринно замѣтилъ это движеніе.

Въ ту же минуту надъ головой капитана просвистѣла пуля, коснувшаяся до волосъ Мюрата.

— Стрѣляйте! приказалъ Франчесчетти.

— Не стрѣлять! прокричалъ Мюратъ.

И, размахивая въ правой рукѣ платкомъ, онъ шелъ на встрѣчу къ

толпѣ; но, въ это самое время, раздался залпъ: одинъ офицеръ и трое солдатъ были убиты. Въ подобныхъ случаяхъ, когда кровь пролита, кровопролитіе нескоро останавливается. Мюратъ зналъ эту роковую истину; потому рѣшеніе его было быстро. Передъ нимъ было около пятисотъ вооруженныхъ людей, позади же его — пропасть вышиною въ тридцать футовъ: онъ немедленно бросился со скалы и упалъ такъ счастливо на песокъ, что даже и не ушибся; генералъ Франчесчетти и адъютантъ короля, Кампана, съ тѣмъ же счастіемъ прыгнули въ пропасть, и всѣ трое быстро направились къ морю, пробираясь черезъ небольшую рощу, отстоящую не болѣе, какъ на сто шаговъ отъ моря, и которая навремя скрыла ихъ отъ глазъ преслѣдователей. По выходѣ изъ рощи, раздались новые выстрѣлы. Пули просвистали около нихъ, не задѣвъ, однако, ни одного, и три бѣглеца не вредимо продолжали свой путь къ берегу.

Только теперь замѣтилъ король, что около берега не было болѣе лодки, привезшей его съ корабля. Три судна, составлявшія его эскадру, вмѣсто того, чтобы способствовать его высадкѣ, на всѣхъ парусахъ удалялись въ открытое море. Мальтіецъ Барбара увезъ съ собою не только счастье Мюрата, но и всѣ его надежды, его спасеніе, даже жизнь. Мюратъ не вѣрилъ въ измѣну и счелъ это удаленіе простымъ маневромъ. Увидавъ выдвинутую на песокъ рыбацью лодку, онъ закричалъ своимъ двумъ товарищамъ: «спустите лодку въ море!»

Тотчасъ же всѣ трое принялись сталкивать лодку въ воду, со всей энергіей своего безнадежнаго положенія. Никто изъ преслѣдователей не рѣшался соскочить со скалы, и враги ихъ, принужденные сдѣлать обходъ, давали бѣглецамъ еще нѣсколько минутъ свободы. Но вскорѣ послышались крики: Жоржъ Пеллегрино и Трента Капелли, въ сопровожденіи толпы, показались въ пятидесяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Мюратъ, Франчесчетти и Кампана изнемогали отъ усилій стащить лодку въ воду. За криками послѣдовалъ новый залпъ. Кампана упалъ: пуля поразила его въ грудь навывлетъ. Между тѣмъ, лодку успѣли спустить въ воду; генералъ тотчасъ вскочилъ въ нее; Мюратъ хотѣлъ послѣдовать за нимъ, но не замѣтилъ, что шпорой зацѣпилъ за петлю лежавшей на берегу рыбацѣй сѣти. Вслѣдствіе даннаго имъ толчка лодка, выскользнула изъ рукъ, и король упалъ лицомъ прямо въ воду, между тѣмъ, какъ нога его

оставалась на берегу. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подняться, толпа бросилась на него, и въ одинъ мигъ были сорваны съ него эполеты, разорвано знамя и все его платье, и если бы къ нему не подоспѣли на помощь Пеллегрино и Трента Капелли, то, вѣроятно, онъ и самъ былъ бы разорванъ на куски. Пеллегрино и Трента Капелли взяли его подъ руки и повели въ городъ, защищая, въ свою очередь, отъ разсвирѣпѣвшаго народа. Такимъ образомъ, Мюратъ плѣнникомъ вошелъ на площадь, на которую за часъ тому назадъ предсталъ королемъ. Провожатые привели его въ замокъ, бросили въ общую тюрьму, и король очутился среди воровъ и убійцъ, которые, не зная, кто онъ, и принимая его за собрата по преступленіямъ, встрѣтили его бранью и насмѣшками.

Черезъ четверть часа вошелъ въ тюрьму комендантъ Маттеи. Онъ увидѣлъ Мюрата, стоящаго со скрещенными руками и съ гордою осанкою. Выразалось неограниченное величіе въ этомъ полунагому челоуѣкѣ, лицо котораго было покрыто грязью и кровью. Онъ поклонился королю.

— Господинъ комендантъ, сказалъ ему Мюратъ, узнавъ его званіе по эполетамъ: — взгляните вокругъ себя и скажите, можно ли въ эту темницу посадить короля.

Въ это время, случилось довольно странное обстоятельство: всѣ эти преступники, почитавшіе Мюрата однимъ изъ своихъ собратьевъ и встрѣтившіе его бранью и насмѣшками, преклонились предъ его королевскимъ величествомъ, которое не было уважено ни Пеллегрино, ни Трента Капелли, и молча удалились въ самую глубину темницы. Несчастіе принесло новую жертву королю Іоахиму.

Комендантъ Маттеи пробормоталъ нѣсколько извиненій и попросилъ Мюрата слѣдовать за нимъ въ приготовленную для него комнату. Прежде, чѣмъ уйти, король опустилъ руку въ карманъ, досталъ горсть золота и, бросивъ это золото въ толпу посреди темницы, сказалъ, обратившись къ заключеннымъ:

— Возьмите это. Пускай же никто не дерзнетъ сказать, что посѣщеніе, сдѣланное вамъ хотя плѣннымъ и лишеннымъ престола королемъ, не было вамъ памятно по его щедрости.

— Да здравствуетъ Іоахимъ! закричали преступники.

Мюратъ горько улыбнулся. Эти же самыя слова, произне-

сенныя такимъ же числомъ голосовъ на площади, часть тому назадъ, сдѣлали бы его королемъ неаполитанскимъ!...

Мюратъ послѣдовалъ за комендантомъ; онъ привелъ его въ маленькую комнату, принадлежащую сторожу, который уступилъ ее королю. Онъ хотѣлъ уже удалиться; но Мюратъ оставилъ его.

— Господинъ комендантъ, сказалъ онъ: — я желаю бы имѣть ванну.

— Государь, это дѣло весьма трудное.

— Вотъ вамъ пятьдесятъ дукатовъ: прикажите купить весь о-де-колонъ, который только можно здѣсь найти. Еще прикажите позвать ко мнѣ портныхъ.

— Это совершенно невозможно, потому что здѣсь найдутся только такіе портные, которые занимаются шитьемъ одного крестьянскаго платья.

— Пошлите въ Монтелеонъ, и пускай привезутъ ко мнѣ всѣхъ портныхъ, какихъ только тамъ найдутъ.

Комендантъ поклонился и вышелъ.

Мюратъ былъ въ ваннѣ, когда ему доложили о приходѣ кавалера Алкала, губернатора города. По его приказанію, принесли Мюрату шелковыя одѣяла, простыни, различную мебель. За это вниманіе король былъ ему весьма благодаренъ.

Въ тотъ же день, къ двумъ часамъ, прибылъ генералъ Нунцианти, съ 3,000 солдатъ. Съ удовольствіемъ встрѣтился Мюратъ со старымъ знакомымъ; но, послѣ первыхъ словъ, король тотчасъ догадался, что цѣль его прихода былъ не простой визитъ, но снятіе съ него формальнаго допроса. Мюратъ ограничился показаніемъ, что онъ, въ силу дозволенія австрійскаго императора, отправлялся изъ Корсики въ Триестъ, но буря и недостатокъ жизненныхъ припасовъ принудили его сойти на берегъ въ Пиццо. На всѣ же остальные вопросы Мюратъ упорно молчалъ; наконецъ онъ обратился къ генералу: «генералъ — сказалъ онъ ему — могу ли я просить васъ одолжить платье, чтобы я могъ выйти изъ ванны?»

Генералъ понялъ, что ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, поклонился и вышелъ. Десять минутъ спустя, Мюратъ получилъ полную форменную одежду. Онъ тотчасъ же одѣлся, спросилъ перо и чернилицу и написалъ письма начальнику австрійскихъ войскъ въ Неаполѣ, англійскому посланнику и

своей женѣ, въ которыхъ извѣщалъ ихъ о своемъ заточеніи. Окончивъ эти депеши, онъ всталъ и нѣсколько времени въ сильномъ волненіи ходилъ по комнатѣ; наконецъ, почувствовавъ нужду освѣжиться, онъ отворилъ окно. Видъ простирался прямо на берегъ, на которомъ послѣдовалъ его арестъ.

Два человѣка копали въ пескѣ яму у подошвы маленькаго круглаго редута. Мюратъ смотрѣлъ на нихъ безсознательно. Окончивши свою работу, они вошли въ сосѣдній домъ, изъ котораго на рукахъ вынесли трупъ. Король только теперь припомнилъ, что, во время его послѣдняго, отчаяннаго сопротивленія, кто-то палъ около него; но кто такое это былъ, онъ не зналъ. Трупъ былъ совершенно обнаженъ. По длиннымъ чернымъ волосамъ и по молодымъ формамъ, король узналъ Кампана: это былъ одинъ изъ болѣе любимыхъ имъ адъютантовъ. Сцена этого печальнаго погребенія, представившаяся ему во время сумерекъ и, притомъ, изъ окна темницы, погребеніе, совершенное въ уединеніи, на берегу моря, произвели на Мюрата гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ собственныя его несчастія. Крупныя слезы показались на его рѣсницахъ и тихо потекли по его щекамъ. Въ это самое время, вошелъ генералъ Нунціанти, который засталъ его съ простертыми руками и съ лицомъ, орошеннымъ слезами. Услыхавъ шумъ, Мюратъ обернулся и, увидавъ удивленіе стараго солдата, сказалъ:

— Да, генералъ, да, я плачу. Я плачу объ этомъ двадцатичетырехлѣтнемъ юношѣ, котораго поручали мнѣ его родители и которому я причинилъ смерть; я плачу объ этой обширной, богатой, блестящей будущности, которая угасла въ неизвѣстной могилѣ, на вражеской землѣ. О, Кампана, Кампана! если когда либо я снова возсяду на престолъ, то сооружу тебѣ памятникъ, достойный короля.

Генералъ приказалъ накрыть на столъ къ обѣду въ комнатѣ, смежной съ той, которая служила темницей королю. Мюратъ послѣдовалъ за нимъ, но не могъ ничего ѣсть. Погребеніе, котораго онъ только что былъ свидѣтелемъ, совершенно разстроило его—и, между тѣмъ, онъ былъ тотъ же Мюратъ, который былъ хладнокровнымъ свидѣтелемъ и участникомъ битвъ при Абукикѣ, Эйлау и Москвѣ.

Послѣ обѣда Мюратъ воротился въ свою комнату и, передавъ

генералу написанныя имъ письма, попросилъ оставить его одного. Генералъ вышелъ.

Мюратъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, останавливаясь отъ времени до времени около окна, но не смѣя его отворить. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ усилій, онъ превозмогъ себя и отворилъ окно. Ночь была совершенно тихая; весь берегъ морской былъ видѣнъ. Онъ глазами искалъ того мѣста, гдѣ былъ похороненъ Кампана; двѣ собаки скребли землю на могилѣ Кампана. Король поспѣшно захлопнулъ окно и одѣтый бросился на кровать. Наконецъ, боясь, чтобы его волненіе не приписали трусости, онъ раздѣлся, снова легъ въ постель и проспалъ или притворился спящимъ всю ночь.

Утромъ, десятаго числа, прибыли портные, которыхъ требовалъ Мюратъ. Онъ заказалъ имъ множество платья, объясняя имъ малѣйшія подробности своей обильной изобрѣтеніями фантазіи. Генералъ Нунціанти засталъ его за этимъ занятіемъ. Печально слушалъ онъ приказанія, отдаваемыя королемъ: онъ только что получилъ телеграфическія депеши, по которымъ Мюратъ долженъ былъ быть преданъ военному суду, какъ врагъ отечества. Генералъ нашелъ короля столь спокойнымъ, столь довѣрчивымъ и почти столь веселымъ, что у него не достало духу объявить ему о преданіи его военному суду; онъ взялъ на свою отвѣтственность замедленіе военно-судной комиссіи до полученія имъ письменной о томъ депеши. Наконецъ депеша прибыла двѣнадцатаго числа вечеромъ. Она заключалась въ слѣдующемъ:

Неаполь, 9 октября 1815 года.

«Божією милостію; мы, Фердинандъ, и проч. и проч., опредѣлили слѣдующее:

«*Ст. 1.* Генералъ Мюратъ предается военному суду, члены коего должны быть назначены нашимъ военнымъ министромъ.

«*Ст. 2.* Осужденному должно быть даровано только полчаса времени для принятія духовнаго пособія.

«Подписано: Фердинандъ.»

Въ постановленіи министра, значились имена членовъ комиссіи. Вотъ они:

Г. Фаскуло, начальникъ главнаго штаба, президентъ.

Скальфаро, начальникъ легіона Нижней Калабріи.

Натати, генераль-лейтенантъ королевскаго флота.

Ланцетта, подполковникъ инженернаго корпуса.

В. Т., артиллерійскій капитанъ.

Франсуа-де-Ванже, тоже.

Франческо Марторлари, артиллерійскій лейтенантъ.

Франческо Фройо, лейтенантъ 3 полка.

Джіовани делла-Камера, генеральный прокуроръ уголовного суда.

Франческо Папавасси, секретарь.

Въ ту же ночь, собравшаяся комиссія имѣла засѣданіе. Тринадцатаго октября, въ шесть часовъ утра, капитанъ Стратти вошелъ въ королевскую темницу. Онъ засталъ короля спящаго глубокимъ сномъ и хотѣлъ уже идти назадъ, но, отворяя дверь, нечаянно задѣлъ за стулъ: отъ этого шума Мюратъ проснулся.

— Что вамъ угодно, капитанъ? спросилъ король.

Стратти хотѣлъ что-то отвѣтить; но голосъ замеръ у него на устахъ.

— А! сказалъ Мюратъ:—вы, вѣроятно, получили какія либо извѣстія изъ Неаполя?

— Вы угадали, государь, едва проговорилъ Стратти.

— Въ чемъ же они заключаются? спросилъ Мюратъ.

— Въ преданіи васъ суду, государь!

— Кѣмъ же будетъ произнесенъ приговоръ мой? Гдѣ же и откуда соберете вы здѣсь столько перовъ, чтобы меня судить? Если почитаютъ меня еще королемъ, то нужно составить комиссію изъ королей; если же меня считаютъ маршаломъ Франціи, то нужно созвать маршаловъ; если же, въ самой меньшей мѣрѣ, меня считаютъ за простаго генерала, то пускай составятъ комиссію изъ генераловъ.

— Государь, вы объявлены врагомъ отечества, и, такимъ образомъ, васъ будетъ судить военно-судная комиссія: это законъ, изданный вами самими для возмутителей.

— Этотъ законъ былъ установленъ для разбойниковъ, а не для коронованныхъ особъ, съ презрѣніемъ отвѣтилъ Мюратъ.—Я готовъ, пускай меня убьютъ, я согласенъ; но я не полагалъ, чтобы король Фердинандъ могъ быть способнымъ на подобный поступокъ.

— Не угодно ли вамъ, государь, знать списокъ вашихъ судей?

— Непремѣнно, неpremѣнно: это должно быть любопытно.

Сдѣлайте одолженіе, прочтите. Я васъ слушаю.

Капитанъ Стратти прочелъ всѣ вышепомянутыя имена. Мюрать слушалъ его съ улыбкой презрѣнія на устахъ.

— А! продолжалъ король, когда капитанъ окончилъ чтеніе:— мнѣ кажется, что всѣ предосторожности заранѣе приняты?

— Какимъ это образомъ, государь?

— Да развѣ вы не знаете, что всѣ эти люди, исключая Франческо Фройо, обязаны мнѣ своими чинами? Они побоятся быть обвиненными въ признательности, и, за исключеніемъ, можетъ быть, одного голоса, приговоръ будетъ единодушень.

— Государь, если бы вы сами предстали предъ судомъ, если бы вы взяли лично защищать свое дѣло.....

— Замолчите, милостивый государь, замолчите! прервалъ его король.—Нужно будетъ вырвать слишкомъ много листовъ изъ исторіи, если я признаю своими судьями лицъ, имена которыхъ вы мнѣ сейчасъ прочитали: подобная судная комиссія совершенно не законна, и мнѣ стыдно будетъ показаться передъ ней. Я знаю, что не могу спасти свою жизнь, такъ позвольте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, сохранить не опозореннымъ мое королевское достоинство.

Въ это самое время, вошелъ лейтенантъ Франческо Фройо, для снятія показаній съ заключеннаго. Онъ спросилъ его имя, фамилію, лѣта и отечество. Услыхавъ эти вопросы, Мюрать всталъ и проговорилъ съ глубокимъ чувствомъ своего достоинства: «Я—Иоакимъ Наполеонъ, король Обѣихъ Сицилій, и приказываю вамъ выйти.» Лейтенантъ вышелъ.

Послѣ этого Мюрать спросилъ у Стратти, можетъ ли онъ написать прощальныя письма своей женѣ и дѣтямъ. Разстроганный капитанъ отвѣтилъ ему только утвердительнымъ жестомъ, и тотчасъ же Иоакимъ сѣлъ за столъ и написалъ слѣдующее письмо: (*)

«Любезный другъ моего сердца, Каролина!»

«Роковой часъ насталъ: я умираю, осужденный на смертную казнь. Черезъ часъ у тебя не будетъ болѣе мужа, и у нашихъ дѣтей—отца. Вспоминайте обо мнѣ и не забывайте никогда моей памяти.

«Я умираю невиненъ, и жизнь моя отнята у меня несправедливымъ судомъ.

(*) За достовѣрность этого письма я ручаюсь, ибо лично списалъ его въ Ниццо, съ копій, сохранившейся у Алкала, переписанной имъ съ самаго подлинника.

«Прощай, мой Ахиллесъ! прощай, моя Лэтиціата! прощай, мой Люсьенъ! прощай, моя Луиза!

«Покажите себя достойными меня. Я оставляю васъ на землѣ и въ королевствѣ, наполненномъ моими врагами; покажите себя выше несчастія и не забывайте, что не должно почитать себя выше, чѣмъ вы есть, вспоминая о томъ, чѣмъ вы были прежде.

«Прощайте. Благословляю васъ. Не проклиняйте никогда памяти обо мнѣ. Помните, что величайшее для меня горе, при моей казни, есть то, что я умираю вдали отъ моихъ дѣтей, вдали отъ моей жены, и еще то, что нѣтъ около меня ни одного друга, который бы могъ закрыть мнѣ глаза.

«Прощай, моя Каролина! прощайте, дѣти! получите отъ меня отцовское благословіе, нѣжныя слезы и мои послѣдніе поцѣлуи. Прощайте, прощайте! Не забывайте вашего несчастнаго отца!

«Іоакимъ Муратъ.»

Пизцо, 15 октября 1815 г.

Послѣ этого онъ отрѣзаль прядь своихъ волосъ и вложилъ ее въ письмо. Въ это время, вошелъ генераль Нунціанти. Муратъ подошелъ къ нему и протянулъ руку: «Генераль, сказалъ онъ, вы сами отецъ семейства, у васъ есть жена, дѣти—настанетъ и для васъ день, въ который вы узнаете, какъ тяжело съ ними разставаться. Поклянитесь мнѣ, что это письмо будетъ доставлено по назначенію.»

— Клянусь моими эполетами, сказалъ генераль, отирая слезы.

— Полноте, полноте! побольше твердости, генераль! сказалъ Муратъ:—мы съ вами солдаты и знакомы со смертью. Прошу у васъ только одной милости: дозвольте мнѣ самому коман-

(*) «Chere Caroline de mon coeur. L'heure fatale est arrivée, je vais mourir du dernier des supplices; dans une heure, tu n'auras plus d'époux, et nos enfants n'auront plus de père: souvenez vous de moi et n'oubliez jamais ma mémoire.

«Le meurs innocent, et la vie m'est enlevée par un jugement injuste.

«Adieu mon Achille; adieu ma Laetitia; adieu mon Lucien; adieu ma Louise.

«Montrez vous dignes de moi; je vous laisse sur une terre et dans un royaume pleins de mes ennemis: montrez vous supérieurs à l'adversité, et souvenez vous de ne pas vous croire plus que vous n'êtes en songeant à ce que vous avez été.

«Adieu; je vous bénis. Ne maudissez jamais ma mémoire. Rappelez vous de la plus grande douleur, que j'éprouve dans mon supplice est celle de mourir loin de mes enfants, loin de ma femme et de n'avoir aucun ami pour me fermer les yeux.

«Adieu ma Caroline, adieu mes enfants; recevez ma benediction paternelle, mes tendres larmes et mes derniers baisers.

«Adieu, adieu; n'oubliez pas votre malheureux père. «Ioachim Murat.»

Pizzo, le 15 Octobre 1815.

довать, когда меня будутъ разстрѣливать.» — Генераль кивнулъ ему головой въ знакъ согласія. Въ эту самую минуту, вошелъ докладчикъ, съ королевской сентенціей въ рукѣ. Мюратъ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло. «Читайте, милостивый государь, сказалъ онъ: я васъ слушаю.» Докладчикъ повиновался. Мюратъ не ошибся: за исключеніемъ одного голоса, смертный приговоръ ему былъ произнесенъ единогласно.

Когда чтеніе было окончено, Мюратъ обратился къ генералу Нунціанти. «Генераль, сказалъ онъ:—вѣрьте мнѣ, что, въ моемъ сознаніи, я отдѣляю орудіе, которое меня поражаетъ, отъ руки, которая направляетъ это орудіе. До настоящаго времени я не вѣрилъ, что Фердинандъ будетъ въ состояніи разстрѣлить меня какъ собаку. Онъ не отступаетъ передъ низостию поступка... но не будемъ болѣе говорить объ этомъ. Я отвергалъ моихъ судей, но не отвергаю моихъ палачей. Какое время назначаете вы для исполненія приговора?»

— Назначьте его сами, государь! отвѣтилъ генераль.

Мюратъ досталъ изъ кармана часы, на одной сторонѣ которыхъ былъ изображенъ портретъ его жены. Нечаянно вынулъ онъ ихъ не циферблатомъ наружу, но портретомъ, на который съ нѣжностью засмотрѣлся.

— Посмотрите, генераль, сказалъ онъ ему:—это портретъ королевы. Вы ее знаете: не правда ли, сходство удивительное?

Генераль отъ сильнаго волненія отвернулся.

Мюратъ испустилъ глубокій вздохъ и положилъ часы въ карманъ.

— Итакъ, государь, проговорилъ докладчикъ:—какой вы назначаете часъ?

— Да, это правда, сказалъ Мюратъ, улыбаясь:—увидавъ портретъ королевы, я совершенно забылъ, для какой цѣли вынималъ часы.—Тогда онъ снова вынулъ часы, но на этотъ разъ стороною циферблата вверхъ.—Итакъ, если вамъ угодно, то ровно въ четыре часа. Теперь уже болѣе трехъ, и я прошу у васъ только пятьдесятъ минутъ... Можетъ быть, я требую слишкомъ многого?....

Докладчикъ поклонился и вышелъ. Генераль хотѣлъ послѣдовать за нимъ.

— Развѣ я васъ больше не увижу, генераль? спросилъ его Мюратъ.

— Согласно полученных мною приказаний, я долженъ присутствовать при вашей казни, государь; но у меня недостаетъ на это твердости.

— Хорошо, генераль, хорошо. Я не требую, чтобъ вы были при моихъ послѣднихъ минутахъ; но я желалъ бы еще разъ съ вами проститься.

— Я буду васъ ждать на вашей дорогѣ, государь!

— Благодарю васъ; теперь оставьте меня одного.

— Здѣсь ожидаютъ два священника, государь: угодно вамъ будетъ принять ихъ? продолжалъ генераль.

— Прикажите имъ войти.

Генераль вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его выхода, на порогѣ показались два священника: одинъ изъ нихъ по имени донъ Франческо Пеллегрини, дядя того Пеллегрини, который былъ причиною смерти короля, другой же былъ Антонио Масдеа.

— Что вамъ угодно? спросилъ ихъ Мюратъ.

— Спросить васъ, угодно ли вамъ умереть христіаниномъ.

— Я умру солдатомъ. Оставьте меня.

Донъ Франческо Пеллегрини удалился. Ему, вѣроятно, было не совсѣмъ ловко при видѣ Іоахима. Что же касается Антонио Масдеа, то онъ остался одинъ на порогѣ.

— Развѣ вы не слышали моихъ словъ? обратился къ нему король.

— Слышалъ, государь, отвѣтилъ старикъ: — но позвольте мнѣ не повѣрить, чтобы это было ваше послѣднее рѣшеніе. Я васъ вижу и обращаюсь къ вамъ съ просьбою уже не въ первый разъ: я однажды уже имѣлъ случай просить у васъ одной милости.

— Какой же?

— Когда ваше величество были въ Пиццо въ 1810 году, я просилъ у васъ двадцать-пять тысячъ франковъ для окончанія постройки нашей церкви, ваше же величество прислали мнѣ сорокъ тысячъ.

— Это, вѣроятно, потому, что я предвидѣлъ, что буду похороненъ въ Пиццо, съ улыбкою замѣтилъ король.

— Итакъ, государь, мнѣ хотѣлось бы вѣрить въ то, что и вторая моя просьба къ вамъ будетъ исполнена, какъ была исполнена первая. Государь, я на колѣняхъ умоляю васъ. — Старикъ упалъ на колѣни предъ Мюратомъ. — Умрите христіаниномъ.

— Стало быть, это доставить вамъ удовольствіе, спросилъ его король.

— Государь, я пожертвовалъ бы остаткомъ моей жизни, лишь бы получить отъ Бога ту милость, чтобы Святыи Духъ Его посѣтилъ васъ при вашемъ смертномъ часѣ.

— Итакъ, сказалъ Мюратъ:—слушайте мою исповѣдь: бывши ребенкомъ, я обвиняю себя въ непослушаніи моимъ родителямъ, а съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался человекомъ, я ни въ чемъ не могу себя упрекнуть.

— Государь, сдѣлайте мнѣ милость, общайте мнѣ, что вы умрете въ христіанской религіи.

— Съ удовольствіемъ, сказалъ Мюратъ.

Онъ взялъ перо и написалъ:

«Я, Іоакимъ Мюратъ, умираю христіаниномъ, вѣрую во святую, евангелическую, апостольскую и римскую церковь.»

И онъ подписалъ свое имя.

— Теперь же, отецъ мой, продолжалъ король: — если вы желаете обратиться ко мнѣ съ третьей просьбой, то поспѣшайте, потому что чрезъ полчаса будетъ уже поздно.

Дѣйствительно, тюремные часы пробили въ это время половину четвертаго. Священникъ сдѣлалъ знакъ, что онъ кончилъ.

— Въ такомъ случаѣ, оставьте меня одного.

Старикъ вышелъ.

Мюратъ большими шагами прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; потомъ онъ сѣлъ на кровать и опустилъ голову на колѣни. Вѣроятно, въ эти четверть часа, проведенныя имъ въ этомъ положеніи, представилась передъ нимъ вся прежняя его жизнь, начиная съ трактира, изъ котораго онъ выѣхалъ, кончая дворцомъ, въ который онъ вступилъ; вѣроятно, весь пройденный имъ жизненный путь развернулся передъ нимъ, подобно раззолоченному сновидѣнію, подобно блестящей лжи, подобно одной изъ сказокъ «Тысяча Одной Ночи». Какъ радуга блестѣлъ онъ во время бури, и, подобно радугѣ, терялись крайнія точки его жизни въ облакахъ его рожденія и смерти. Наконецъ онъ очнулся отъ своего внутренняго созерцанія и поднялъ свое блѣдное, но совершенно спокойное лицо. Подойдя къ зеркалу, онъ поправилъ прическу. Странности его характера не покидали его и теперь: обрученный со смертію, въ послѣднія минуты жизни, онъ заботился о наружности.

Пробило четыре часа.

Мюратъ отворилъ дверь.

Его уже ожидалъ генералъ Нунцианти.

— Благодарю васъ, генералъ, сказалъ Мюратъ: — вы сдержали свое слово, поцѣлуйте меня и если вамъ угодно, то удалитесь сейчасъ же.

Генералъ со слезами на глазахъ бросился въ объятія Мюрата, не будучи въ состоянїи произнести ни одного слова.

— Побольше твердости, генералъ, сказалъ Мюратъ:—взгляните на меня, я спокоенъ.

Именно это-то спокойствіе и уничтожило все мужество генерала. Онъ выскочилъ изъ корридора и какъ сумасшедшій выбѣжалъ изъ тюремнаго замка.

Король вышелъ на тюремный дворъ, гдѣ все было уже готово для совершенія казни. Девять солдатъ, съ однимъ капраломъ, были выстроены въ линію около двери комнаты, гдѣ находилась комиссія; передъ ними тянулась стѣна въ двѣнадцать футовъ высоты; около же стѣны было возвышеніе въ одну ступень, шириною около трехъ шаговъ. Мюратъ всталъ на это возвышеніе, такъ что онъ однимъ футомъ стоялъ выше солдатъ, наряженныхъ для совершенія казни. Взойдя на этотъ приступокъ, онъ вынулъ часы, поцѣловалъ портретъ жены и лично командовалъ къ заряду. По командѣ «пли», только пятеро изъ девяти солдатъ выстрѣлили. Мюратъ стоялъ недвижимъ. Солдаты устыдились стрѣлять въ своего короля: они прицѣлились выше его головы.

Въ эту минуту, можетъ быть, всего лучезарнѣе выказалось геройское мужество Мюрата, бывшее его исключительною добродѣтелью: ни одна черта на его лицѣ не измѣнилась, ни одинъ мускулъ на его тѣлѣ не пошевельнулся; только, взглянувъ на солдатъ съ выраженіемъ горькой признательности, онъ сказалъ имъ:

— Благодарю васъ, друзья мои; но такъ какъ рано или поздно вы будете принуждены цѣлиться въ меня, то не длите моихъ страданій. Единственная просьба къ вамъ: цѣльтесь прямо въ сердце и поберегите лицо. Начнемте снова.

И тѣмъ же самымъ голосомъ, съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ тѣмъ же выраженіемъ въ лицѣ, онъ повторилъ свои смертныя слова, одно вслѣдъ за другимъ, не тихо и не спѣша, какъ будто онъ командовалъ на простомъ ученьи; но на этотъ разъ при словѣ

«пли» онъ упалъ, пронзенный восемью пулями, не сдѣлавъ болѣе ни малѣйшаго движенія, не испустивъ ни одного вздоха и не выронивъ часовъ, которые онъ сжалъ въ лѣвой рукѣ (*).

Солдаты подняли трупъ, положили его на ту самую кровать, на которой онъ сидѣлъ десять минутъ тому назадъ. Къ дверямъ былъ приставленъ часовой.

Вечеромъ, какой-то человекъ подошелъ къ двери, желая взойти въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Часовой не допустилъ его; но человекъ этотъ просилъ позволенія переговорить съ комендантомъ. Будучи приведенъ къ нему, онъ показалъ ему какой-то приказъ. Комендантъ прочелъ его съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ; потомъ, окончивши чтеніе, онъ подвелъ его къ двери, входъ въ которую ему прежде былъ отъказанъ.

— Пропустите синьора Луиджи, сказалъ онъ часовому.

Часовой сдѣлалъ на караулъ при видѣ коменданта, и Луиджи вошелъ.

Минутъ черезъ десять онъ вышелъ, держа въ рукѣ окровавленный платокъ; въ платкѣ было завязано что-то, чего часовой не могъ разсмотрѣть.

Часъ спустя, принесенъ гробъ, въ который долженъ былъ быть заключенъ трупъ короля.

Ремесленникъ вошелъ въ комнату и тотчасъ же съ ужасомъ призвалъ часоваго. Часовой отворилъ дверь, чтобы узнать причину ужаса этого человека. Столяръ пальцемъ указалъ ему на обезглавленный трупъ.

Послѣ смерти короля Фердинанда, въ потайномъ шкапу его спальни, нашли эту голову, сохранившуюся въ спиртѣ (**).

Восемь дней послѣ совершенія казни, каждый получилъ должную награду: Трента Капелли—чинъ полковника, генераль Нунцианти—титулъ маркиза, Луиджи былъ отравленъ.

Перевелъ съ французскаго СЕРГѢЙ ХУДЕКОВЪ.

(*) Жена Мюрата перекупила эти часы за 200 лундоровъ.

(**) Не вѣря въ жестокость, сдѣланную безъ причины, я спросилъ у генерала Т... причину этого гнуснаго поступка, по нѣмъ мнѣ отвѣтилъ, что такъ какъ Мюрать былъ осужденъ и разстрѣлянъ въ отдаленномъ уголкѣ Калабрій, то король неаполитанскій боялся, чтобы какой либо искатель приключеній не выдалъ себя за Юахима: голова Мюрата обличала самозванца.

Прил. акт.